

ЕВГЕНИЙ ЦЫГАНКОВ

ЗАЩИТНИК ЯВИ

Евгений Цыганков

Защитник Яви

«Автор»

2026

Цыганков Е. А.

Защитник Яви / Е. А. Цыганков — «Автор», 2026

Сергей, владелец небольшой IT компании, погибает в аварии и попадает в мир Древней Руси. В мир, где рядом с людьми живут древние духи рек, полей и лесов — русалки, лешие и водяные. Все нормальные попаданцы воплощаются в людей, но только не Серёга. Он умудряется стать бесплотным духом ручья, впадающего в речку Ловать. Депрессия, отчаяние и страх — это не про него! Он начинает бороться за место под солнцем, постепенно превращаясь из легкой дымки в могучего духа, обладающего магией воды и света. На пути к успеху он знакомится с молчаливым ведунном Волохом, мудрой Ведающей Матерью, влюбляется в русалку Купаву и сражается с нежитью, ещё не зная, что сама богиня Мокошь вложила в него божественную искру для того, чтобы он стал Защитником Яви. «Защитник Яви» — это славянское фэнтези с зубастым юмором, динамичными битвами и неожиданной философской глубиной. Для тех, кто верит, что даже в теле духа можно оставаться человеком.

© Цыганков Е. А., 2026

© Автор, 2026

Евгений Цыганков

Защитник Яви

Пролог

Все звуки мира загудели, словно повреждённый динамик, и резко оборвались. Всё, что осталось в памяти в тот момент, — он стоит на обочине дороги и пытается завести заглухший мотоцикл. И последнее, что он почувствовал, — не боль, а глухой удар в спину, толчок, выбивающий из груди не только воздух, но и само ощущение «я здесь».

Не было ни паники, ни света. Только стремительное падение внутрь себя, словно провал сквозь ледяной пол собственного тела, теряя ощущение границ. А потом — тишина. Абсолютная, беспросветная пустота. Не та тишина, когда тихо, а та, когда отсутствует сама возможность звука. Он больше не дышал. И не нуждался в дыхании.

Из безмолвной тишины возникло движение. Не он летел — мир вокруг него понёсся куда-то, закручиваясь гигантским торнадо, втягивая его в свой вихрь. Это не было похоже на тоннель из света. Скорее, он ощущал себя крохотной каплей, затянутой в бездонную воронку. Вокруг — не просто тьма, а густая, бархатистая чернота, в которой растворились все ориентиры.

И тогда он услышал. Сквозь безмолвную тишину пробился далёкий, нарастающий гул. Сначала едва уловимый, как шум в ушах, потом мощный, как рёв океана в раковине, прижатой к виску. Постепенно гул разрастался, заполнял собой пространство, превращался в громоподобный раскат, от которого содрогалось всё его естество. Это был не звук, а вибрация, сотрясавшая то, что от него осталось.

Свет возник внезапно. Сначала как молочное пятно в кромешной тьме, затем — ослепительная, безжалостная белизна, заливающая всё вокруг. Но в этом свете не было тепла. Лишь холодный, абсолютный и безличный порядок. Он оказался в самом эпицентре белого шума. Постепенно шум обрёл форму — превратился в глухой рёв падающей воды, заполняющий собой пространство.

Свет взорвался на миллиард ослепительных брызг. Он падал — не по тоннелю, а в ледяной, бурлящий поток, который скручивал, ломал и швырял с невообразимой скоростью. Его тело больше не существовало. Он стал чистым сознанием, запертым в пузыре воздуха посреди бешеных струй.

Прогремел оглушительный удар — прибытие. Тишина. Мрак.

Он лежал на дне, погруженный в холодную, плотную тьму. Над ним колыхался смутный свет, едва пробивающийся сквозь толщу воды. Его мысли были вязкими, проступая сквозь оцепенение.

«Я... Мёртв? Это... вода? Почему я все ещё чувствую её?»

Он попытался вдохнуть — и сквозь него протянулась струя, неся с собой обрывки чужих воспоминаний: детский смех, звенящий у берега, судорожный вздох тонущего, тихий шёпот влюблённых, едва различимый сквозь время. Каждая эмоция обретала вкус: медовая сладость радости, едкий привкус страха, тягучая горечь печали. Помимо этого, все эти ментальные образования имели ещё и цвет. Золотистый цвет двух людей, сидящих на полянке недалеко от ручья, смешивался с густым, тёмно-бурым маревом тоски и отчаяния недавно утонувшего человека...

И тогда до него дошло. Он не в воде — он стал водой. Это тело ручья, впадающего в неведомую речку, теперь его тело. Холодное течение — его кровь. Камни на дне — его кости. Вода дышит им, а он дышит водой.

В тот миг, когда его сознание с грохотом ударилось о дно ручья, в Яви вздрогнуло. Местные духи — стайка русалок, дремавших в песчаной отмели, — встрепенулись. Они не увидели, а почувствовали: в ткань их мира вплелась новая, странная нить. Она пахла одновременно страхом и дерзкой надеждой. Со дна ближнего омута медленно поднялись два мутных пузыря — это открыл глаза старый Водяной. Его губы растянулись в подобии улыбки. Не гость. Добыча.

А у лежащего на дне ручья сознания пришло понимание, что он уже не человек и смерть — не конец, а мучительное перерождение в новую, странную форму бытия.

— Тогда кто же я теперь? — прошептало оно в безмолвной глубине собственного разума. Не найдя ответа, оно погрузилось в созерцание этой новой для него реальности — чуждой, пугающей и вместе с тем завораживающей.

Глава 1

— Та-ак, приплыли, — подумал я. Этот оборот речи, который я озвучивал всегда, когда происходил какой-нибудь очередной затык, был произнесён совершенно к месту. Я действительно находился в воде — у истока какого-то ручья, пробивавшегося из-под серых, поросших мхом камней.

Только воды в этом ручье было, максимум по шиколотку. И шириною он был сантиметров пятьдесят, не больше.

— Как я сюда поместился? — спросил я сам себя и закрутил головой. Головой ли? Голова, как, впрочем, и другие части тела напрочь отсутствовала! Лёгкая, серая дымка, весьма отдалённо напоминающая человеческий облик, представляла теперь мою сущность. Я уставился на свою беспалую руку и попытался ею нащупать своё новое лицо, но не обнаружил на нём ни носа, ни ушей, ни даже глаз.

— Да кто я теперь такой? Что вообще тут происходит?! — завопил я в ужасе и бросился бежать вдоль ручья... Как мне поначалу показалось. На самом деле моё сознание скользило над береговыми изгибами, над веселым журчанием воды. Моё эфемерное тело двигалось за мной, отставая на пару шагов. Как так получалось, я не понимал, но не особо и переживал по этому поводу, так как были проблемы посерьёзней.

Вместе с прозрачными водами моего ручья, который уже разлился по небольшой ложбине и составлял уже метров десять в ширину, я добрался до места, где он впадал в какую-то речку, и погрузился в мутные от песка и ила воды.

Паника, отпустившая меня во время моего бегства по ручью, вновь нахлынула с ещё большей силой. Я потерял ориентацию в пространстве. В этой мутной воде я ощущал себя ещё более беспомощным, чем на поверхности ручья. И вдобавок к этому я ощутил присутствие незримой силы, которая была разлита повсюду в этой толще. Она была старой, злобной и ревнивой и вселяла неимоверный ужас. Я замер, вернее, перестал трепыхаться, как муха в меду.

— Кто это тут ко мне в гости пожаловал?

Голос пришёл не извне. Он родился прямо внутри моей дымчатой субстанции, глухой и булькающий, словно кто-то разговаривал со дна самого глубокого омута.

Я не смог ответить. Мой страх сгустился в один немой вопрос: «Оно меня съест?»

— Съесть? Ха! — хихикнул голос, и воды вокруг содрогнулись, подняв со дна новые клубы ила.

— Да тебя съешь — и не заметишь, сопляк. Дым безвольный. Пылинка. Кто тебя в мою реку пустил? По какому праву? — голос звучал как скрежет камня по стеклу, пронизывая каждую частицу моей туманной сущности.

Передо мной (вернее, вокруг меня) начала собираться материя. Не моя серая дымка, а нечто плотное и древнее. Из ила, старой водоросли и речных ракушек слепилась фигура. Это

был не человек и не зверь. Это была сама река, принявшая гротескную форму: мощный торс, покрытый скользкой коркой, руки из коряг, а вместо лица — лишь углубление в тине, откуда мерцали два тусклых, как гнилушки, огонька.

— Я тут Хозяин, — проскрипел он, и по мне пробежала ледяная дрожь.

— А ты кто? Самозванец?

— Я... я не знаю, — попытался я мысленно выдать ответ.

— Я только что был... а теперь я здесь. В этом ручье.

— В ручье? — огоньки в тине вспыхнули желтоватым пламенем. Вода вокруг внезапно сжалась, пытаясь раздавить моё эфемерное «я».

— Это МОЙ ручей! Моя заводь! Мои камни на дне! Ты на чьей территории существуешь, пылинка?

Боль, если это можно было назвать болью, была странной. Не физической, а будто стирали саму мою суть бытия, размывая контуры того, что ещё можно было назвать моим «я». Инстинктивно я потянулся к единственному, что чувствовал родным, — к тонкой серебряной нити, которая связывала меня с моим ручейком...

И случилось нечто. Вода в месте впадения моего ручейка вдруг забурлила, словно ожива, став чуть прозрачнее, будто пыталась пробиться сквозь мутную пелену реки, отгородить меня от неё и защитить.

Водяной слегка отклонился.

— О-о... «Так ты уже и территорию метить вздумал?» — протянул он и в голосе зазвучали низкие, булькающие ноты.

— Свою струйку от моего потока отделять? Дерзкий... — В его голосе проскользнул не только гнев, но и любопытство, смешанное с раздражением.

— Ладно. Поел — плати. Живёшь в моих владениях — служи. Знаешь правило?

Я молчал, пытаясь осмыслить весь этот абсурд. Я умер. Превратился в какое-то привидение ручья. А теперь местный босс с мочалкой на голове требует с меня арендную плату?

— Вот так всегда, — мелькнула в остатках сознания самоироничная мысль. — Уже и умер, вроде, а за коммуналку всё равно платить приходится.

— Правило простое, — продолжал он, протягивая ко мне свою корягу-руку и загибая на ней пальцы. — Следить за порядком в ручье. Сообщать мне: кто купается после заката, кто ругает воду, и кто загрязняет ручей.

— Каждое полнолуние будешь давать мне отчёт. Не сделаешь — раздавлю. Или отдам болотным кикиморам на растерзание. Понял, пылинка?

Он ткнул пальцем в мою дымку. Прикосновение было как удар током. Абсурд разрастался, достигая невысказанных, космических масштабов.

— А пока... — Хозяин реки взмахнул рукой, словно стряхивая назойливую мошку. Мощное течение реки подхватило меня, закружило и с силой вышвырнуло обратно — в устье моего ручья, на мелководе.

— Осваивайся. И неси службу. Следующее полнолуние — твой срок. Жду!

Его присутствие отступило, оставив после себя тяжёлую, влажную пустоту. Я лежал (парил?) на стыке двух вод, ощущая, как мутная сила реки недовольно облизывает границы моего маленького, чистого ручейка.

Паника медленно отступала, растворяясь в странном, ледяном спокойствии, которое проникало в каждую частицу моего существа.

— Так, — подумал я, — появились новые данные, которые необходимо систематизировать:

1. Я — дух ручья. Призрак, джинн, локальное божество. Без лица, но уже с кучей проблем.

2. Над моим владением есть начальство. И оно настроено недружелюбно.

3. Нужно платить по счетам. Служить водяному. Следить за порядком. А ещё? Продавать ручейковую воду как целебную? Отгонять комаров от рыбаков? Пугать людей? Ну нет! Тогда они будут оставлять у берега не только свои страхи, но и что-нибудь похуже, более материальное. А оно мне надо?

В общем и целом, мне всё было понятно — никудашный я какой-то, бесполезный член этого тонкоматериального общества.

— Тоже мне, пугальщик нашёлся, — выговаривал я сам себе, — ты себя в зеркало видел? Кто такого испугается?

Да уж! Видок у меня был, прямо скажем, непрезентабельный, стремный видок, что уж там скрывать.

Я сам себе сейчас напоминал пряничного человечка из мультфильма «Шрек». Тот, бедолага, тоже был без пальцев на руках и ногах.

— Но он хотя бы был твёрдый — и у него было лицо со всеми причитающимися к нему атрибутами. Ну, или почти со всеми... По-моему, носа у него всё-таки тоже не было. От этой мысли мне почему-то полегчало, и я сказал сам себе:

— Ничего, Серёга, прорвёмся!

— Так! Стоп! Как я себя назвал? Серега???

— Блин! А ведь точно! За всё время нахождения в этом мире я ни разу не вспомнил свою прошлую жизнь!

А вспомнить, кстати, было что. Потому что жил я на полную катушку! Красавец мужчина, двадцать восемь лет от роду, молодой, перспективный, как говорится. Не женатый, к тому же — что многократно повышало мои шансы прожить мои молодые годы разгульно и весело. Чем я, собственно, и занимался. Потому как, имел в свои неполные тридцать лет собственную компанию, которую сам, без чьего-либо участия основал с нуля и вывел в лидеры в сфере IT в своём родном городе.

Это и позволяло мне жить на полную катушку: путешествовать, тратить деньги на красивых женщин и покупать себе всё, что захочу. Например, тот злосчастный мотоцикл.

— Вот сдался мне он! — подумал я в отчаянии. Ведь так всё хорошо шло!

— Вот же невезуха! — снова запричитал я. — Сколько раз читал про этих всех попаданцев — все люди как люди и в людей воплощались. Я же...

— Кем я теперь стал? — я оглядел себя сверху вниз. — Так... пук астральный какой-то.

От такого обидного сравнения мне стало совсем грустно.

Я посмотрел на свой ручей. Вода весело журчала, словно игнорируя драму космического масштаба. Какая-то стрекоза села на поверхность, и от её прикосновения по воде разошлись идеальные круги.

— Ну что ж, — подумал я, наблюдая за ними.

— Соберись, тряпка! Раз уж вляпался — будем разбираться. Сначала — с новыми обязанностями. Потом — с этим, — я посмотрел в сторону речной заводи, где, скорее всего, и обитало это жуткое создание. А там, глядишь, и выкарабкаемся из этой неприятной ситуации.

— Как человек... ну, сейчас не совсем человек, конечно. Вернее, совсем не человек, — поправил я сам себя.

— В любом случае, как существо, наделённое интеллектом и неплохой интуицией, которые здорово мне помогали существовать в прошлой жизни, — я всегда старался понять суть происходящего, вгрызаться в самую основу событий и вещей и, используя свой аналитический ум вкупе с развитой интуицией, добиваться нужных результатов.

Вот и сейчас...я нутром чувствовал, но пока ещё не мог оформить это в твёрдое убеждение: этот мир живёт по тем же законам спирального развития, что и мой прежний мир. И каждый новый виток эволюции закрепляет меня на новом уровне. А этот новый этап развития,

опираясь на предыдущий опыт, становится фундаментом для прыжка на ещё более высокую ступень.

— В общем, понятно, — размышлял я, — я сейчас нахожусь на самом дне — в прямом и переносном смысле, и мне необходимо понять, как отсюда выбраться.

Где-то в лесу прокричала птица. Заканчивался первый день в этом новом для меня мире.

Глава 2

Всю ночь я провёл в полудрёме. Сна как такового не было, но и бодрствованием это назвать нельзя. Было ощущение, будто меня отключили от питания, и я продолжал функционировать только благодаря резервному аккумулятору, который поддерживал лишь самое базовое существование. Моя дымчатая форма стала ещё прозрачнее — казалось, она вот-вот растворится в утреннем тумане, поднимающемся над водой. Мысли текли вяло, словно застревают в этой липкой, тягучей субстанции, которую я теперь называл собой.

— Сейчас бы чашка крепкого кофе меня здорово взбодрила, — подумал я, пытаюсь хоть как-то разогнать туман в голове и вернуть мыслям чёткость и скорость.

— Странно, — продолжил я размышлять. — Я до сих пор пытаюсь оперировать человеческими понятиями, хотя человеком уже не являюсь. Но фраза "туман в голове" действительно очень точно описывала моё состояние в тот момент.

И тут я почувствовал слабый, едва уловимый импульс — не в «теле», а в самой воде моего ручья. Хотя сейчас это было для меня одно и то же. Где-то выше по течению, у самого истока, под корнями старой ольхи что-то... страдало.

Любопытство — а точнее, отчаяние — заставило меня сконцентрировать остатки внимания на этом ощущении. Это была не мысль и не голос. Это был чистый вкус эмоции: терпкая, металлическая горечь боли и поверх неё — сладковатый, липкий страх.

Кому-то было плохо. Прямо в моих... владениях?

Мысль о том, что у меня могут быть «владения», немного потешила самолюбие, но по-прежнему отдавала какой-то абсурдностью. Импульс повторился, настойчивее. Это был зов.

Я попытался двинуться. Моё сознание скользнуло вдоль русла, но форма — эта серая дымка — почти не сдвинулась с места, отстав на добрых десять метров. Это было похоже на попытку бежать в сонном параличе. Пришлось оставить «тело» болтаться позади, а самому — потянуться туда, вверх, к источнику боли.

Там, под нависающим глинистым берегом, в маленькой запруде из веток и глины, лежал молодой лось. Вернее, пытался лежать. Его нога была грубо зажата между двумя сплетёнными корнями, которые обрушились вместе с землёй под его весом.

Он бился, глаза закатились от ужаса, но каждое движение лишь глубже вгоняло острые щепки в плоть. Вода вокруг его ноги была окрашена ржавым цветом.

Я завис над ним, беспомощный и слабый.

— Ну, вот как такой махине помочь? — я задумчиво нарезал круги вокруг этого лесного гиганта, словно маленький беспилотник.

— Начальник речного омута требует следить за порядком, а тут как раз клиент подвернулся. Что же делать? — я был в замешательстве.

— Может, попробовать... утешить?

Я не знал, как это делается. Но я помнил вкус его страха. И я попытался... отгородить лося от него. Как бы окутать потоком чего-то другого. Я сосредоточился на журчании ручья вокруг — на его постоянном, успокаивающем потоке. На прохладе воды, омывающей рану. На ощущении жизни, которая всё ещё текла здесь, несмотря на боль.

Лось вдруг замер. Его тяжёлое дыхание не остановилось, но паника в глазах отступила, сменившись животным недоумением. Он едва заметно тряхнул головой, но уже не бился в

истерике. Он слушал. Не меня, а сам ручей. И, кажется, находил в его неспешном журчании ответ.

Я почувствовал нечто новое. Из животного, сквозь боль, ко мне потянулась тончайшая, тёплая нить. Это была не энергия в чистом виде. Это была... благодарность. Смутное, инстинктивное чувство существа, которое вдруг перестало чувствовать себя одиноким в своей агонии.

И эта нить... Она коснулась чего-то во мне. Что-то щелкнуло, как замок, открывающийся впервые за долгие годы.

Внезапно мир расширился. Я почувствовал не только боль лося, но и... Весь ручей. Каждый камушек на дне, завихрение течения у коряги, личинки, шевелящиеся в иле. Он был не просто местом, где я находился. Он стал моими нервами, моими чувствами, моим дыханием. Стоило подумать — и у корней, сжимавших ногу животного, забурлила вода. Она просочилась глубже, размывая глину под корнями и освобождая пленника.

Лось почувствовал слабое движение. Рванул изо всех сил. Корни захрустели, поддались, ослабив железную хватку. Мгновение — и он вырвался. С громким всплеском он выдернул ногу и, хромя, со страшным шумом вывалился на берег, где рухнул, тяжело дыша.

Тёплая нить от него оборвалась. Но на её месте, в самой глубине моего существа, где раньше была пустота, теперь тихо пульсировала капля чего-то золотистого и тёплого. Это была не его сила. Это была моя сила, впервые пробудившаяся от действия. Капля была смехотворно мала, но она была. И с её появлением моя дымчатая форма стала чуть плотнее, чуть послушнее.

Значит, вот как... Помощь и защита. Не собирать, как подать, а получать, как благодарность.

Лось полежал ещё какое-то время, потом медленно поднялся и, пошатываясь, побрёл по своим лосиным делам. А я продолжал прислушиваться к себе, к своим новым ощущениям и возможностям. И не сразу обратил внимание на движение возле моего ручья.

Небольшая, тёмная фигурка, похожая на кочку, покрытая мхом и хвоей, копошилась у самой кромки воды, там, где росли кусты дикой смородины.

— Рыжики здесь, грузди — там... а этот ручеек — предел моей вотчины, — донеслось до меня. Это не был голос в привычном смысле. Мысль прозвучала тихо, упрямо и обладала явным привкусом лесной подстилки, пахнувшей перегноем и временем, и старого, трухлявого пня.

— Эй! — попытался я обратиться, концентрируясь на копошащейся кочке.

Кочка вздрогнула и развернулась ко мне. Теперь я разглядел нечто, отдалённо напоминающее крошечного, коренастого человечка. Его «тело» было слеплено из влажной земли, мха и прилипших иголок. Из-под нависающего шапочкой зелёного мха на меня смотрели два бусинки-глазка, полные живого, настороженного любопытства.

— Ты чё это? — мысль-вопрос ударила, как ком земли.

— Чьих будешь? Я тут главный по ягодам-грибам от старой ольхи и до самого камня-седла, Моховым* меня кличут. И тебе тут без спроса быть не положено.

*Моховой** — в славянской мифологии крошечный дух зелёного или бурого цвета, живущий во мхах и наказывающий тех, кто собирает ягоды в неурочное время.

— Я... я здешний, — осторожно передал я. — Дух этого ручья. Новенький.

Моховой фыркнул, и с его плеча осыпалась пара сороконожек.

— Вижу, что новенький. От новеньких один беспорядок. Шумят, суетятся. Мой Лесной Хозяин, тишину любит. И порядок. Чтоб всё по полочкам: где черника — там черника, где малина — там малина. А тут — не пойми что объявилось и с этим сохатым переполох устроило.

— Меня Водяной поставил за порядком следить, — признался я, чувствуя, как абсурдность ситуации нарастает. Я, целый руководитель IT-компании, отчитываюсь перед какой-то замшелой кочкой...

Моховой вдруг стал серьёзен. Он подобрался к самой воде, его бусинки-глазки прищурились.

— Так, значит... За порядком следить... Понимаю. — Протянул Моховой, и в его голосе звучало не то осуждение, не то усталое понимание.

— Он новичкам спуску не дает, проверено. Глупым способом решил следить? Людей пугать?

— Нет! — поспешно отмел я эту идею. — Я думал... может, помогать?

Существо из мха и земли задумалось. Оно почесало себе бороду, и оттуда выпал маленький черный жук. Моховой подобрал его с земли, задумчиво посмотрел на него и засунул его назад в бороду.

— Помогать... Это необычно. Рискованно. Чувства от помощи — они чистые, да. Но слабые. Разве что... — Он умолк, словно взвешивая риски нарушения служебной этики.

— Разве что найти того, чья благодарность будет мощной. Кого мир почти вычеркнул из памяти. Кто погрузился в отчаяние так глубоко, что его душа кричит. — И этот крик, словно натянутая струна, дрожит в самой ткани Яви.

— Кто это? — спросил я с надеждой.

— Старый дух. — Произнес Моховой. — Он раньше покровительствовал здешней водяной мельнице, что ниже по течению. Сам он нездешний. Он пришёл сюда с людьми, что мельницу ставили. Мельник ему дары подносил, а не Водяному, хотя всем известно, что твой Хозяин водяными мельницами заведует. — Моховой снова почесал бороду, и оттуда на землю посыпались какие-то мураши. Они суетливо разбежались в разные стороны, будто пытались скрыться от чужих глаз.

— Осерчал он шибко, — продолжил Моховой, и в его голосе зазвучала давняя горечь. — И стал он людям разные пакости чинить. То ворот сломает, то колесо заклинит. Люди терпели сколько могли, а потом разобрали мельницу и ушли. А духа того оставили. Теперь он сидит в старом омуте, тоскует и чахнет день ото дня.

Зовётся он Ичётик*. Сила его тает, скоро и духом не станет — просто в тину превратится. Если поможешь ему вспомнить, кем он был... его благодарность может дать тебе ту самую, чистую каплю силы. А может и нет, — Моховой равнодушно пожал плечами, отчего с них посыпались мошки.

— Но людей не трогай у моих ягодников! — его голос прозвучал резко как треск сухой ветки. — А то лесному хозяину пожалуюсь.

И прежде, чем я успел что-то спросить, он просто рассыпался. Не исчез, а будто растворился в ландшафте: кочка, покрытая мхом, слегка пошевелилась и затихла, став абсолютно неотличимой от других.

Итак, у меня появился план, подсказанный сердобольным Моховым, который нужно воплотить в жизнь как можно скорее.

— Вот, завтра с утра этим и займусь, — подумал я и поплыл над своим ручьём, туда, где он, набирая силу, стремился к устью.

К моему удивлению, моё аморфное тело перестало тормозить и больше не отставало от меня ни на шаг. Оно послушно лавировало вдоль русла ручья, подчиняясь моим командам. Я даже начал получать некое удовлетворение от этого полёта и так увлёкся этим состоянием, что не впился в очередной поворот и врезался в куст дикой смородины.

Моё тело разлетелось на маленькие серые комочки, но уже через мгновение оно вновь собралось и приобрело первоначальный вид.

— Ух ты! — воскликнул я от неожиданности.

— Что ж, — мысленно усмехнулся я, — должны ведь и у меня быть свои маленькие радости. Полет и вправду дарил странное, почти детское удовольствие.

*Ичётик** — в славянской и коми-зырянской мифологии мелкий дух из рода водяных.

Я попытался дотянуться своим сознанием до старой мельницы и что-то почувствовать. Но то ли расстояние было слишком велико, то ли я был не так уж и крут, как мне хотелось... В общем, я ничего не почувствовал, но, не сильно расстроившись от этого, сказал сам себе:

— Утро вечера мудренее. Завтра я займусь тобой, Ичётик.

Глава 3

На следующее утро, проснувшись на дне своего ручья, я поднялся на поверхность, сладко потянулся, зевнул и потер глаза, чтобы быстрее проснуться. Хотел было уже лететь к старому омуту знакомиться с Ичётиком, как вдруг застыл на месте, потому что только сейчас до меня дошло, что я сделал то, чего сделать не мог.

Я бросился к ближайшей маленькой заводи и посмотрел на своё отражение. Так и есть! С поверхности воды, подёрнутой лёгкой рябью, на меня смотрело существо с глазами и ртом, но пока ещё без носа и ушей.

Радость от такого приобретения быстро сменилась осознанием того, что сходство с прыгучим человечком из «Шрека» стало просто поразительным. Мне на какое-то время стало грустно, но потом я махнул на это рукой, справедливо рассудив, что мультфильм про этого доброго огра в этом мире вряд ли кто смотрел, и поэтому дразниться и обзываться тоже никто не будет.

Мне сразу же захотелось проверить, нет ли ещё каких-либо изменений в моём новом теле. Я принялся себя ощупывать и осматривать со всех сторон и через некоторое время я обнаружил, что помимо глаз и рта у меня появился плавник, проходящий по центру моей спины — от затылка до пятой точки. Он состоял из семи острых лучей и мог раскрываться, как у большинства рыб, для устойчивого плавания.

— Так, приплыли! — пробормотал я своё любимое изречение.

— Только я обрадовался, что становлюсь похожим на человека, как на тебе... плавник! На кой он мне сдался?!

Хотя ответ лежал на поверхности, конечно.

— Я же водный дух всё-таки, вот и получил атрибут, который соответствует моему статусу.

Я сосредоточился и попробовал пошевелить им. Плавник на спине вздрогнул, словно пробуждаясь, плавно раскрылся — и также плавно сложился вновь.

— Хм, — сказал я своему отражению. Рот в отражении чётко повторил движение. Было странно и одновременно здорово наконец-то видеть, как я «говорю». — Ну-ка, ну-ка...

Я выбрал место, где мой ручей разлился в своём течении аж на метра на четыре, уплыл на его середину, развернулся против течения и... Расправил плавник. Семь упругих лучей веером раскрылись за моей спиной. И тут же я почувствовал разницу.

Раньше моё движение было похоже на полёт воздушного шарика, которого толкает ветер. Теперь же я ощутил упор. Я мог оттолкнуться от воды, как от твёрдой опоры. Сделав несколько резких взмахов этим новым инструментом, я рванул вперёд с такой скоростью, что берега слились в зелёные полосы.

— Ух ты! — закричал я, проносясь мимо знакомой коряги. Это было потрясающе! Чувство контроля, скорости, силы... Оно затмило даже абсурдность моего нового облика.

Я позволил течению развернуть меня и плавно, уже почти изящно, вернулся к исходной точке. Плавник послушно сложился на спине и почти не ощущался. Так, с этим разобрались. Теперь — к более важному. К Ичётику.

Я промчался вдоль ручья к самому его устью и нырнул в мутные воды реки, сразу почувствовав присутствие Водяного. Но сегодня я был, видимо, ему не интересен, и он только скольз-

нул по мне холодным, равнодушным взглядом, будто сканируя меня, а затем беззвучно растворился в глубине, оставив после себя лишь дрожащие пузырьки на поверхности.

С этим новым инструментом путь к старой мельнице занял считанные минуты. Я плыл, чувствуя каждую струю, каждое завихрение. И вынырнув из воды, я решил проверить работу плавника в воздухе.

Теперь я летел над поверхностью реки словно птица, рассекающая небесную гладь. Плавник послушно ловил воздушные потоки, помогая держать курс.

Вскоре берега стали выше, тени — гуще, а вода приобрела тёмный, почти чёрный оттенок. Воздух стал тяжёлым, с запахом старой воды, гниющих коряг и... Тоски. Неприятной, липкой как смола.

А ещё я ощутил нечто странное: серебряная нить, связывающая меня с моим ручьём, натянулась, словно упругая струна, она мягко, но настойчиво сопротивлялась моему дальнейшему продвижению вперед, будто предупреждала: «Дальше нельзя».

— Так, — я замедлил ход, — получается, что эта нить является также моим поводком и не позволяет далеко отплывать от моего ручья. Но, благо, я был уже на месте. Нить слегка ослабла, словно соглашаясь.

Вот оно — то самое место. Когда-то здесь жизнь была ключом: мерно крутились жернова, скрипело колесо, а воздух был пропитан теплым ароматом свежей муки. Теперь же передо мной была лишь широкая, безжизненная заводь.

Посреди неё, наполовину погруженные в вязкий ил, торчали скрюченные, почерневшие балки — остатки мельницы. Тишина стояла гробовая.

Я набрал воздуха (как мне показалось) и крикнул:

— Эй! Ичётик! Я пришёл... поговорить!

Эхо моих слов утонуло в мутной воде, не отзывшись. Я подплыл ближе, осторожно поглаживая лучом плавника поверхность заводи, пытаюсь нащупать то самое присутствие, о котором говорил Моховой.

— Меня прислал... ну, один местный. Моховой. Говорит, ты тут... того... чахнешь.

Тишина. Абсолютная. Лишь одинокий пузырь газа лениво всплыл к поверхности и с тихим хлопком лопнул, нарушив безмолвие.

И тут я его почувствовал. Не голос. Не эмоцию. А пустоту. Такую же густую и вязкую, как ил на дне. Пустоту, которая была когда-то наполнена смыслом, а теперь лишь медленно поглощала саму себя. Она исходила от самой большой, почерневшей балки.

Я подплыл почти вплотную и, не зная, как ещё привлечь внимание, постучал по ней своим подобием руки.

— Эй, старина, ты тут?

Что-то дрогнуло. Из тени под балкой выползла... нет, не выползла, а собралась струйка ила, пара мутных пузырей, кусочек прогнившего дерева. Всё это на мгновение сложилось в нечёткий силуэт, напоминающий сгорбленного старика, сидящего на камне. И тут же поплыло, готовое рассыпаться.

— Подожди! — я махнул к нему рукой, сам не зная, что делаю. — Не уходи! Я... я хочу помочь!

Силуэт замер. Из той его части, что могла быть головой, на меня уставились две тёмные, бездонные дыры. В них не было ни злобы, ни интереса. Только всепоглощающая, бесконечная усталость. Это была не просто усталость — это было истощение души, из которой давно ушли все силы, все надежды.

— Он почти исчез, — пронеслось в голове.

Потом он проскрипел. Звук родился не в воздухе, а прямо у меня в сознании, будто скрип ржавых петель давно запертой двери.

— Уходи. Помощь... кончилась. Всё кончилось. Люди ушли. Дары иссякли. Смысл... растворился.

Его слова были отравлены такой безнадежностью, что моя собственная, крошечная капля силы внутри сжалась от холода. Но где-то там, в глубине, зашевелился мой прошлый, человеческий опыт.

— Да, товарищ в состоянии глубокой депрессии, — прошептал я еле слышно. — Нужно вытащить его из петли негативных мыслей. Нужен якорь. Воспоминание.

— Они ушли... но они же были! — произнёс я громче, вкладывая в слова всю уверенность, на которую был способен. Я старался чтобы голос звучал твердо, чтобы мысль пробилась сквозь пелену отчаяния.

— Мельница была! — повторил я с нажимом. — Значит, и ты был! И не просто тиной. Ты же чем-то занимался? Что ты делал? Вспомни!

Силуэт едва заметно дрогнул.

— Я... следил. — прозвучало едва слышно, словно из глубины забытых времён. — Чтобы... колесо... вертелось. Чтобы жернова... пели. Чтобы мука... была пушистой, как первый снег...

— Вот видишь! — воскликнул я, уловив в его словах слабую, но живую искру. — Ты следил! Ты был нужен! А как оно... пело? Жернова? Помнишь звук? Тот самый, особенный...

Наступила долгая пауза. Вода в омуте казалась совершенно неподвижной. Потом... очень тихо, еле-еле, словно из самых глубин забвения, поплыл звук. Не скрип, а низкий, ровный, убаюкивающий гул: «Г-у-м-м-м...» Он исходил от самого Ичётика. Это был отголосок памяти. Памяти о работе. О цели.

И в этот миг я увидел. Нет, не глазами. Я увидел то, что видел он. На секунду мутная вода очистилась, и я увидел яркий солнечный луч, пробивающийся в окно мельницы, белесые облака пыли от муки, твёрдую, натруженную руку мельника, которая ласково похлопывала по мокрой от воды балке... А в месте с этим — чувство. Глубокое, тёплое чувство удовлетворения. От хорошо сделанной работы. От того, что твоё существование имеет смысл. Что ты — часть чего-то большего.

Отголосок этого чувства, чистый и мощный, как удар колокола, коснулся моего существа. И в тот же миг, из глубин омута, ко мне потянулась тоненькая, дрожащая, но уже не серая, а слегка золотистая нить. Нить благодарности.

Ичётик по-прежнему не обрёл четкой формы. Он был всё тем же сгустком тоски и ила. Но я почувствовал, энергия угасания в этой части реки уходит на второй план, уступая место чему-то новому.

— Я... забыл этот звук... — Проскрипел он, и в его «скрипе» впервые появилась неуверенная, живая нота. — Спасибо... что... напомнил.

Золотистая нить, едва осязаемая, коснулась той самой капли силы, что теплилась внутри меня. И капля... выросла. Стала размером с небольшую ягоду. Энергия, исходившая от неё, была не дикой, как от лося, а глубокой, старой, укоренённой.

Я глубоко вдохнул и с облегчением выдохнул. В груди, как будто, разлилось тепло — не торжество, а тихое, спокойное удовлетворение.

— Эй, нет проблем, — сказал я, чувствуя эту странную теплоту и глубокое ощущение правильности происходящего. — Мы ещё вернёмся к этому. — Повторил я твёрдо. — К этим звукам. Я обещаю.

Силуэт медленно кивнул — скорее, качнулся — и начал медленно растворяться в воде, унося с собой крупницу вновь обретённого покоя.

Я же остался наедине с тёплой ягодой силы внутри и с новой мыслью, что иногда... можно побыть и психотерапевтом для забытых богов.

— Ну что ж, Серёга, — подумал я, разворачиваясь и раскрывая плавник для обратного пути, — кажется я начинаю понимать правила этой игры.

И с этими мыслями я рванул прочь из мрачного омута, навстречу свету своего ручья, оставив позади первый, крошечный лучик надежды в царстве вечной тоски.

Глава 4

По лесу шёл человек, сливаясь с окружающей его темнотой. Он не хотел быть увиденным, и лес, казалось, помогал ему в этом, обволакивая своим сумрачным плащом. Этому способствовало и то, во что был одет этот человек. Это было трудно назвать одеждой. Какая-то хламида, наброшенная на плечи, скрывала его человеческий облик, превращая фигуру в неясный силуэт, а шапка из меха и перьев довершала этот странный, почти нечеловеческий образ, делая его неотличимым от дикой, дремучей чащи, в которой он растворялся, словно рождённый ею дух.

Он двигался в почти непроглядной тьме, как по освещённой фонарями улице, ни разу не споткнувшись и не сбившись с курса.

В скором времени он вышел на поляну, где стояла маленькая, вросшая в зелёный мох изба. Прямо напротив её входа горел костёр, бросая дрожащие отблески на влажную от росы траву. Из избы вышла женщина средних лет. Заметив гостя, она молча развернулась и скрылась внутри. Через минуту появилась с котелком, до краёв наполненным чистой водой. Повесив его над костром, женщина села напротив пришельца, вопросительно глядя тому в глаза.

— Здравствуй, Мать, — произнес гость, склонив голову в почтительном поклоне. — Мир тебе.

— И тебе, — коротко ответила женщина. — Зачем пришёл?

Он усмехнулся, но в глазах не было веселья.

— Ты же ведаешь, не я. Зачем спрашиваешь?

Она отмахнулась:

— Тебе тоже многое открыто, не причитай, Волох.

Он снова усмехнулся, но промолчал. Только причудливые татуировки на его лице и открытых теперь предплечьях говорили о его истинной природе. Казалось, это не просто рисунки на коже — они дышали и двигались, будто живые. При свете пламени на его лице мелькали тени зверей и птиц, а сложные орнаменты на руках медленно перетекали один в другой, словно воды невидимой реки.

Древние лики духов то проявлялись в чёткости линий, то вновь расплывались в абстрактных узорах. Казалось, его плоть была не кожей, а живым пергаментом, на котором сама магия писала и тут же стирала свои вечные письмена.

Мать осторожно сняла с огня котелок с закипевшей водой и бросила туда какие-то пахучие травы. Их аромат тут же разлился в воздухе, смешавшись с запахом леса и сырой земли. Плавным движением она разлила отвар по простым, деревянным чашкам. Одну протянула одну Волоху. Тот принял её обеими руками, слегка склонил голову в знак благодарности и сделал осторожный глоток. Горячий напиток обжег горло, но принес странное успокоение. Не отрывая взгляда от своей чашки с отваром, он произнёс:

— К ручью хочу сходить. К тому, что у старой мельницы.

— Угу, значит, ты тоже почувствовал, — заключила женщина и поставила свою чашку на пень, стоящий рядом.

Волох кивнул и спросил:

— Что я там увижу, Ведающая Мать? — он задал вопрос, ради которого и шёл сюда столько времени.

Она закрыла глаза и сложила руки на груди. В тот же миг Волох заметил, как татуировки на её лице и запястьях засветились ярко-красным цветом, будто раскаленные угли, а затем так же внезапно погасли. Мать открыла глаза, которые тоже светились алым цветом. Она посмотрела в сторону гостя — но не на него, а сквозь него, словно и не было его тут вовсе. Затем её глаза снова закрылись, и тело её замерло в оцепенении.

По спине у Волоха пробежал холодок, и волосы под шапкой как будто зашевелились. Когда Ведающая Мать разговаривает с Мокошью, лучше сидеть смирно и не трепыхаться. А то, что с Мокошью она сейчас беседует, а не с Марой или ещё с кем-то, так это и ежу понятно. Алый цвет — самый любимый у Мокоши.

А ещё Волох подумал, что Мокошь, плетёт нити Судьбы и поэтому знает всё обо всех.

Так что узнает Мать у Мокоши, что произошло у ручья. И почему у него, у Волоха, который в этом явном мире не последний человек, вот уже несколько дней как сосёт под ложечкой в предчувствии чего-то...

А чего конкретно, духи ему не сказали, потому как сами, скорее всего, не ведали. Хоть и старался Волох задобрить их по-всякому, но не сказали они ему ничего. Только направление указали — и всё. И правильно он, Волох, сделал, что пришел сначала к Матери, а не сразу помчался к ручью, как советовали духи.

Из избы вышли две кошки. Они неспешно приблизились и улеглись у ног Матери.

— Ещё один знак, — подумал Волох. — Кошек Мокошь привечает.

Мать медленно открыла глаза и покрутила головой, озираясь. Взгляд её остановился на Волохе. Она подняла правую бровь удивлённо, но потом, видимо вспомнив, кто он такой и откуда здесь взялся, расслабилась. Потом выплеснула на землю остывший отвар из чашки, налила себе из котелка свежего, ещё не остывшего, и выпила его залпом, до самого дна. Гостю почему-то не предложила. Но Волох был не в обиде, он терпеливо ждал, что скажет Ведающая Мать.

Мать медленно поставила пустую чашку на пень. Её взгляд, теперь обычный, но невероятно усталый, упал на пламя костра, будто она читала в его танце что-то недоступное другим.

— У ручья, что у старой мельницы, появился кромешник, — её голос прозвучал сухо и бесцветно, словно она зачитывала приговор.

— Но не наш. Не из Яви, не из Нави и не из Прави. Чуждый.

Волоха будто обдало ледяным ветром. Он ждал многого — порчи, появления мертвяков или упырей. Но «чуждого»? Это слово в устах Ведающей Матери звучало страшнее любого проклятия. Оно звучало как приговор, как знак того, что мир переступил черту, за которой кончается известное и начинается непостижимое.

Лес вокруг, обычно живой и дышащий, на мгновение застыл в абсолютной, мёртвой тишине. Деревья перестали шелестеть, ветер утих и каждое биение сердца звучало как удар молота. Даже кошки у её ног не шелохнулись, лишь их шерсть вздыбилась.

По тёмным волосам Матери, заплетённым в длинные тугие косы, спустился большой серый паук с полосатым брюшком. Он повис на своей паутине и, ловко соскочив на землю, побежал по своим паучьим делам.

— Мокошь по-прежнему благоволит ей, — с удовлетворением заметил Волох, наблюдая за тем, как паук скрывается в высокой траве.

— Как он пришёл? — спросил он, и его собственный голос показался ему чужим.

— Сквозь ткань мира, — Мать провела ладонью по лицу, и на миг казалось, что её собственные, куда более тонкие и изящные, чем у её собеседника, знаки под кожей дрогнули.

— Прорвал ткань там, где она истончилась, у самой кромки чужого мира. Мокошь показала... Он не хочет идти в сумеречный мир Нави. Он хочет остаться здесь.

— Чуждый, — медленно повторил Волох, пытаясь вновь выстроить в голове разрушенный миропорядок.

— Как удалось ему обойти нерушимые законы нашего трёхмирья? Законы Прави, от которой исходит свет истины? Ведь её законы не написаны на пергаменте — они начертаны в самом сердце Мироздания. Значит, получается, что Явь, Навь и Правь — это ещё не вся полнота этого самого Мироздания? Есть ещё миры, затерянные на просторах бытия-времени, откуда приходят вот такие чуждые души. И души ли это вообще? — Он замолчал, глядя в пустоту, где перед его внутренним взором разворачивались картины неведомых миров.

— Тебе нужно выяснить, что он из себя представляет, Волох, — словно прочитав его мысли, сказала Мать.

— Не убивай его. Мокошь назвала его Защитником.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и острые, как осколки льда. Волох ощутил, как почва уходит у него из-под ног. Его мысль, только что выстроившая хрупкую логику борьбы с внешней угрозой, рухнула в одно мгновение.

— Защитником? — повторил Волох в недоумении. — Защитником чего или кого?

— Я не знаю, — странно было слышать такие слова от Ведающей Матери.

— Я думал, что он пришёл сюда разрушать...

— Он пришёл, потому что погиб, — холодно отчеканила Мать.

— Его смерть в его мире была настолько быстрой и нелепой, что отпечаталась на полотне бытия как дыра. Его душа не просто перешла. Она провалилась. И падая, она, не осознавая, притащила за собой ключья чужой и чуждой нам жизни, иные законы, иное понимание мира. — Она сделала паузу, словно давая Волоху время осознать сказанное, а затем продолжила:

— Она не хочет зла. Она, возможно, хочет только жить. Мокошь показала мне не врага, а живую, мыслящую, хоть и чуждую нам душу.

Мать поднялась, подошла к своему собеседнику и, положив обе руки ему на плечи, заглянула в голубые глаза Волоха:

— Я чувствую, что с приходом этого чужака наша жизнь уже не будет прежней..., грядут великие испытания, и мы должны быть к ним готовы.

Волох кивнул, соглашаясь, потом резко развернулся и быстро зашагал прочь. Его шаги вскоре потонули в серой, предрассветной пелене леса.

А Ведающая Мать ещё долго стояла и смотрела в ту серую мглу, что поглотила его, словно пытаясь разглядеть грядущее сквозь предрассветный туман.

Глава 5

Утро следующего дня встретило меня весёлым щебетанием неведомых птичек и очередным апгрейдом.

Кисти. Стопы. Пальцы на руках и ногах.

Я поднял руку, разглядывая её с любопытством первооткрывателя.

— Раз, два, три, четыре, пять — отлично! — пересчитал я пальцы на руке и остался доволен их внешним видом и количеством.

— Могло быть и хуже, — подумал я. — Могла быть какая-нибудь клешня или, того хуже, — лапа. Как потом в носу ковыряться?

Кстати, о носе. Он тоже присутствовал и был вполне обычным, как я сумел разглядеть в отражении ручья.

И вообще в этот раз перемены произошли глобальные. Во-первых, я вымахал в росте и был теперь аж около метра в высоту. Во-вторых, я здорово уплотнился и теперь обладал реальным телом, с мышцами и костями. Правда кожа была почему-то полупрозрачной, и сквозь неё просматривались зелёные артерии с пульсирующей в них жидкостью.

— Интересно, какого она цвета, — спросил я сам себя. Однако проверять, какого цвета у меня кровь, почему-то не было никакого желания.

— И сквозь куст, разлетевшись на маленькие кусочки, а потом собравшись вновь, пролететь уже не получится, — с огорчением подумал я.

Но кое-что проверить надо было...

Я попытался встать. Ноги, новые и непривычные, подкосились, и я шлёпнулся обратно на влажную землю.

— Отлично, Серёга, теперь заново учиться ходить придётся.

С третьей попытки мне удалось удержать равновесие. Я сделал шаг. Потом ещё один. Моё тело было лёгким, почти невесомым, но каждый контакт с почвой отзывался болью в подошвах. Видимо, тонкая кожа на них ещё недостаточно загрубела, чтобы бегать по земле как раньше, в той моей жизни.

Я сидел на берегу своего ручья, погружённый в размышления. Чем активнее происходила моя трансформация, тем больше вопросов у меня возникало.

Начнём с того, что для того, чтобы окончательно не слететь с катушек от всего того, что со мной произошло, я решил не заикливаться на том, как я сюда попал.

— Ну и попал в этот мир, с кем не бывает, — это была констатация факта, отправная точка моего пребывания здесь. И заморачиваться на эту тему я больше не собирался. Пока, во всяком случае.

Какого-то разумного и логичного объяснения у меня не было. Да и откуда оно возьмётся, когда память услужливо и регулярно подкидывает мне воспоминания из прошлой моей жизни, где я — красавец-мужчина в полном расцвете сил... А теперь у меня плавник на спине и... Я опустил голову вниз.

— А, нет, в этом мире я тоже мужчина, — не без удовлетворения заметил я.

Хотя сейчас назвать меня мужчиной мог только тот, кто их никогда не видел.

— Ну ничего, — сказал я, подбадривая сам себя, — где наша не пропадала. Два дня назад я вообще был не пойми чем, а сейчас, вон, и в носу поковыряться могу.

Если на вопрос попадания в этот мир я поставил табу, то других вопросов было хоть отбавляй!

Например, куда я попал?

Водяные, моховые всякие, русалки, наверняка, тоже присутствуют, раз уж Водяной имеется. Это что такое вообще?! Древняя Русь из наших детских сказок? Осталось только бабугу встретить для полного счастья.

Или почему я понимаю язык, на котором говорит вся эта местная сказочная живность? Или язык, который я слышу — это не речь в привычном смысле? Может, я теперь воспринимаю саму их суть, намерения и образы, которые мой разум по привычке облекает в слова моего старого языка?

До меня донёсся смех. Звенящий, многоголосый, как перезвон крошечных колокольчиков.

Я замер. Из-за поворота ручья, где течение намыло небольшую песчаную отмель, из воды появились они... Сначала — лишь тёмные маковки в обрамлении влажных волос. Затем из глубины показались их силуэты: плавные изгибы плеч, тонкие ключицы, словно выточенные из речного перламутра.

Они вышли из своей стихии до пояса, и вода, не желая отпускать, обнимала их талию хрустальным поясом, цепляясь за гладкую кожу. Капли скользили по гладкой коже, оставляя блестящие следы. Мокрые пряди волос прилипли к груди и спине. Глаза — слишком большие и светящиеся собственным, болотным светом. Русалки. Легки на помине.

Они не выглядели враждебно. Скорее их одолевало любопытство, как и меня, впрочем.

Одна из них, с голубой лентой в волосах, выплюнула струйку воды и спросила:

— И кто это у нас тут завёлся? Как тебя звать?

Я хотел уже было ответить, но потом осознал, что собираюсь вещать в абсолютно непригодном виде. Стыдливо прикрывая руками своё хозяйство, я съехал на пятой точке с обрыва прямо в ручей. Раздавшийся мелодичный и весёлый смех пронёсся эхом под нависающими сводами ивовых деревьев.

Русалки, как мне помнилось, — довольно опасные существа. Могут защекотать до смерти или же и вовсе утопить.

Ну, утопить-то у них меня не получится, это точно. Ну, а защекотать... Я бы их сам пощекотал. С виду все три — довольно симпатичные особы: стройные, привлекательные, хотя кожа бледноватая, конечно...

Так! Стоп! О чём это я? Остынь, Серёжа! Это же утопленницы, по народным поверьям. Так что на всякий случай нужно держать ухо востро.

Русалки, видимо, приняли меня за своего и не выказывали никакой враждебности. Одно лишь любопытство. Пока, во всяком случае.

— Ты немой что ли? Или глухой? — поинтересовалась всё та же русалка с ленточкой в волосах.

Я стоял по грудь в воде, в метрах десяти от них, опасаясь подходить ближе.

— Если что — раскрою плавник и рвану вверх по течению. Хрен они меня догонят, — подумал я, хотя в своём новом обличье плавать с плавником ещё не пробовал.

— А уж про полёты над водой, наверное, можно уже и забыть, — с грустью подумалось мне.

Видимо, эта мысль как-то отразилась на моём лице, потому что другая русалка, с веснушками на бледном лице, сказала:

— Какой-то он печальный.

— Ага, — сказала третья — самая красивая из них, — ущербный он какой-то, вроде как... недоготовленный.

А вот сейчас было обидно!

«Ага, ещё скажите «аль дэnte» — с обидой подумал я.

Особенно прискорбно было это слышать от той, которая мне больше всего понравилась.

— Сами вы ущербные! — с досадой выпалил я и со злостью ударил рукой по воде.

Тут произошло непонятное. От того места, где я стоял, прокатилась мощная волна — почти в метр высотой. Она стремительно понеслась к русалкам, подхватила их, словно лёгкие листья, и отбросила на несколько метров назад.

— Ух ты! — восторженно заверещала та, что обозвала меня ущербным. Остальные тоже были в лёгком шоке, как, впрочем, и я сам.

Я посмотрел на свою руку и снова ударил ею по воде.

Ничего не произошло.

Русалки подплыли поближе, и та, что с веснушками, участливо спросила:

— Что, не получается?

Я попробовал ещё раз стукнуть по воде и ещё.

— Не получается, — с грустью констатировал я.

— Жаль, нам понравилось, — огорчённо сказала веснушчатая.

— Так как тебя зовут, дух? — повторила свой вопрос русалка с ленточкой.

— Кого? Меня? — я запаниковал, не зная, что ответить. От волнения плавник на спине раскрылся, взметнув в воздух облако брызг, и снова сложился.

— Я, этот... как его... дух ручья, — выпалил я.

Русалки переглянулись, а самая красивая закатила свои большущие глаза, пытаясь показать всем своим видом, что она была права, когда говорила о моей ущербности.

— Да то, что ты нашенский — это мы и без тебя знаем! Был бы ты из мира живых, мы б тебя давно на глубину утянули, — по-простецки и благожелательно объяснила та, что с веснушками. — Русалочья неделя, как никак, идёт. Зовёшься-то ты как?

Сказать, что меня зовут Серёжей, мне показалось плохой идеей. Потому что фраза «дух ручья Серёжа» звучала как-то не совсем убедительно. С таким именем можно разве что чайник вскипятить, а не повелевать водной стихией.

И тут я вспомнил, что в детстве мой друган Леха называл меня «отец Сергей», а я его, в отместку, — «патриархом Алексием».

— Хм, Сергей звучит благозвучно и солидно, для духа ручья сойдёт, — решил я.

— Сергием меня кличут, — проговорил я и удивился, как из глубин моей памяти всплыло это архаичное слово.

— Сергей? — русалки опять переглянулись. — Не слышали такого имени! Сразу видно, что не здешний, — пролепетала веснушчатая — самая коммуникабельная из них.

— Может, теперь вы представитесь? — предложил я. — Вас-то как звать?

Русалки захихикали, взяли за руки и закружили хоровод, в центре которого образовался небольшой водоворот. Я невольно залюбовался этим необычным танцем, любуясь их стройными, изящными телами, наготу которых прикрывали лишь густые, влажные волосы, и даже не верилось, что они запросто могли утянуть под воду какого-нибудь зазевавшегося бедолагу.

Они покружились ещё немного, затем подплыли ко мне, и та, что с ленточкой в волосах, сказала:

— Меня зовут...

Затем произошло странное. Все три русалки исчезли из моего поля зрения. Ещё секунду назад были рядом, а теперь передо мной остались лишь круги на воде.

Я недоумевал: как им удалось так быстро слинять и что их так напугало? Я начал опасно озираться по сторонам — и взгляд мой наткнулся на фигуру под старой ивой.

В тени её плакучих ветвей стоял незнакомец в меховой шапке с перьями. Его пронзительные голубые глаза пристально следили за мной.

Глава 6

Волох подошёл к ручью на рассвете. Солнце уже поднялось над горизонтом и всё в лесу дышало утренней свежестью. Лучи, пробиваясь сквозь шатёр крон, дробились на тысячи золотых бликов. Каждая травинка, каждый лист папоротника лежали, осыпанные алмазной росой, и при малейшем дуновении ветерка с них скатывались тяжёлые, хрустальные капли.

Воздух звенел от птичьего многоголосья: где-то в вышине методично стучал дятел, с ветки на ветку перелетали, посвистывая, синицы, а в гуще кустов, будто пробуя голос, заливалась малиновка.

Сам ручей, чистый и холодный, в этом свете казался живым серебром, а над самой водой, в сияющих росинках на паутине, уже горели крошечные солнца.

Найти духа ручья оказалось довольно просто. Он шумел, словно сохатый на водопое — громко дышал и плескался в воде как ребёнок.

Сначала ведун опасался близко подходить к кромешнику, боясь, что тот его учует. Но, понаблюдав за ним немного, понял, что бояться нечего. Дух ручья вёл себя так, будто он один живёт в этом лесу, абсолютно не беспокоясь, что его может кто-нибудь потревожить.

Тут дух ручья зачем-то выбрался на берег, и Волох мгновенно напрягся. На всякий случай он накинул на себя покров скрадывания и продолжил наблюдение.

Дух встал, потом зачем-то сел на землю. Снова встал и сел, сделал пару шагов в его направлении и упал как подкошенный.

Волох запаниковал, думая, что обнаружен, и все эти непонятные действия кромешника были проделаны лишь для того, чтобы сбить его с толку.левой рукой он сжал амулет, висящий на шее, который не раз выручал его в борьбе с нечистью, а правой сжимал короткий клинок, уже извлечённый из ножен. Просьба Матери не убивать духа отходила на второй план, потому как своя жизнь дороже.

Кромешник сидел на земле и смотрел в его сторону. Казалось, дух ручья решает, как лучше напасть на него, — а в том, что это так, ведун уже почти не сомневался.

Он готов был уже выскочить из укрытия, как вдруг услышал переливчатый смех.

— Так, этого ещё не хватало! — он, конечно же, узнал, кому принадлежит такое бурное выражение чувств. — Русалки! Карачун их побори!

Волох не испытывал перед ними страха: твари они довольно пугливые и на конфликт с человеком не пойдут без особой на то необходимости. Но сейчас идёт русалочья неделя — а потому ожидать от них можно всего что угодно.

Кромешник тоже повернулся к ручью и замер, прислушиваясь и ожидая незваных гостей.

Русалки появились из воды и заговорили с кромешником. Тот неуклюже сполз с высокого берега в ручей, что вызвало громкий хохот у представительниц этого водного мира.

— Какой-то он убогий, — подумал ведун. Он передёрнул плечом. — Если бы эти твари только попробовали разговаривать с ним в таком тоне, да ещё и надсмехаться! Почему речной дух позволяет так с собой...

Метровая волна отбросила русалок на несколько метров.

Волох замер, не веря своим глазам.

— Ага, кромешник применил магию, вернее, даже не применил, а продемонстрировал её, предупреждая обидчиц, — подумал он. — Молодец!

Сейчас он был на стороне духа ручья по той простой причине, что был мужчиной и проявление древнерусского мужского шовинизма считал само собой разумеющимся.

Русалки закрутили хоровод прямо в ручье, и он решил подойти поближе, чтобы лучше рассмотреть их причудливый танец, который напоминал ему скорее какое-то колдовское действие, чем развлечение. Их стройные тела, блестящие от воды, изгибались в такт неведомой мелодии и вызвали в памяти образы древних и могущественных духов этих вод и лесов — Берегинь, чей танец был не забавой, а защитой от происков Нави.

Танец закончился, русалки подплыли к кромешнику, а Волох стоял как заворожённый, пребывая под впечатлением от увиденного. Он не заметил, как его покров скрадывания истончился и через секунду исчез совсем.

Русалки отреагировали мгновенно: в миг растворившись без следа в прозрачных водах ручья. А кромешник ещё долго крутил головой, озираясь, пока не встретился с ним взглядом.

— Какой же он беспомощный, — подумал ведун. — Я бы мог легко убить его.

Плавник духа ручья раскрылся. Длинные, чуть изогнутые шипы на нём выглядели устрашающе, тем более что в ауре кромешника острые концы этих шипов подсвечивались красным.

— Понятно, — проговорил Волох. — На шипах присутствует какой-то яд, и подходить к нему сзади не рекомендуется.

Кромешник стоял по пояс в воде и не делал никаких попыток убежать или напасть на Волоха, а с интересом разглядывал его, изредка поднимая и опуская свой плавник.

— Любопытная тварь, — заметил про себя ведун. — Ну что ж, надо идти знакомиться.

Он подошёл к самой кромке воды, улыбнулся и поманил духа правой рукой. Левая же, за спиной, сжимала рукоять широкого тесака. Так, на всякий случай.

Дух оказался любопытным, но не тупым. Он указал на его левую руку, а затем показал свои пустые ладошки.

Волох убрал руку из-за спины — ему уже порядком надоела эта пантомима. Он сел на корточки и сказал:

— Я не собираюсь тебя убивать, кромешник. Мне нужно с тобой поговорить.

— Говори, — предложил дух ручья. — Я тебя и отсюда прекрасно слышу. Только ответь сначала — кто ты такой и почему называешь меня кромешником?

— Я Волох, — представился человек. Посчитав, что этой информации достаточно для первого раза, перешёл к ответу на второй вопрос:

— Почему я называю тебя кромешником? Ну, а кто ты, если не он? Ты же из-за кромки в наш мир пришёл? И кто ты после этого? Кромешник и есть, — спокойно и рассудительно констатировал Волох.

— Только для чего ты здесь? — продолжал вслух рассуждать человек. — Нам не ведомо.

— Вам? «Кому это вам?» — спросил дух.

— Мне и Ведающей Матери, — ответил он. — А может, и ещё кому.

— Ведающей Матери? Это что за мать такая, ведающая? — кромешник почесал макушку и раскрыл, а затем снова сложил свой плавник. Видимо, контролировать его полностью у него пока не получалось.

— Это ведьма, что ли?

Волох резко вскочил на ноги и быстро огляделся по сторонам.

— Откуда тебе известно это имя? — с удивлением произнёс он. В голове снова мелькнула мысль убить духа ручья, но он решил пока повременить с этим.

«Убить я его всегда успею», — здраво рассудил он и снова сел на мягкую травку.

— Там, откуда я пришёл, это имя известно всем, — ответил кромешник, пожимая плечами.

— А откуда ты пришёл, дух, скажи. И что это за место такое, где все знают то, что в нашем мире известно только избранным? — Человек был озадачен услышанным. Теперь его интересовал вопрос: что ещё известно духу ручья.

— Там, откуда я родом, — меня уже нет, — кромешник усмехнулся и развёл руками. — Это далеко отсюда, Волох. Я не из вашего мира.

Кромешник глубоко вздохнул, и плечи его опустились. Волох видел по его ауре, которая сейчас отсвечивала зелёным, что дух не представляет опасности и скрывать свои истинные намерения, меняя её цвет, он не может или не хочет.

— То, что ты не из нашего Трехмирья, — то нам ведомо, — Волох задумчиво почесал подбородок.

Брови кромешника удивлённо поползли вверх.

— Ты и в своём мире был духом ручья? — продолжил Волох, задавая вопросы, которые его интересовали.

— А если я скажу тебе, что там, в своём мире, я был человеком? — кромешник пристально смотрел в глаза Волоху, ожидая его реакции.

Волох согласно кивнул:

— И такое может быть.

Теперь ему стало понятно, почему кромешник вёл себя порой так нелепо и странно. Он просто приспособивался к новому для него телу и, наверняка, ещё не знал о всех его возможностях. И та демонстрация водной магии была для него такой же неожиданностью, как и для всех остальных.

Волох решил прояснить для себя ещё несколько моментов.

— А когда ты появился здесь, в этом ручье? — спросил он.

— Четыре дня назад.

— Сразу... вот таким? — он не смог подобрать нужных слов и просто указал рукой на кромешника.

— Нет, конечно, — дух ручья вкратце рассказал ему о своих приключениях за эти четыре дня.

Волох слушал рассказ кромешника и хвалил себя за то, что не стал сразу его убивать.

«Ведающая Мать была права, когда просила его этого не делать», — подумал он про себя. Теперь ему предстояло в срочном порядке возвращаться назад и рассказать Матери всё, что он узнал.

— Грядут большие перемены, и мы должны как следует к ним подготовиться, — сказал Волох, поднимаясь с земли.

— Мне нужно уйти, но я обязательно вернусь. А ты постарайся не умереть за это время.

Глава 7

Я, или, как я сам себя обозвал, — «дух ручья Сергей», лежал на дне своего ручья и размышлял о том, что со мной сегодня произошло и как на это всё реагировать. Кстати сказать, под водой я себя чувствовал ничуть не хуже, чем на её поверхности. Даже дышать было легче — хотя это и нельзя было назвать дыханием в привычном смысле. Я просто вбирал воду носом или ртом и потом выдыхал её обратно.

Как это работало, я не знал, и саму физиологию этого процесса я, естественно, объяснить не мог. Но особо и не парился на эту тему и относился к этому по-философски: дышу — и слава Богу, а мог бы и не дышать вовсе, а лежать себе спокойненько в матушке-сырой земле после той злополучной аварии.

«Нет, мы ещё поживём. Мы им всем ещё покажем!» — мысленно погрозил я. Кому именно я угрожал и что такого я должен показать, для меня самого оставалось загадкой. Но после такой устрашающей демонстрации своих намерений я почувствовал уверенность в своих силах и приступил к анализу сегодняшних событий.

— Так, с русалками нужно поддерживать отношения, — решил я, наблюдая за тем, как какие-то мелкие рыбешки резвились вокруг меня в своём стремительном рыбьем танце. Поначалу пугливые, теперь они абсолютно меня не боялись и, видимо, тоже приняв за своего, пытались со мной подружиться, щекоча меня своими плавниками и хвостами везде, даже в местах, абсолютно для этого не предназначенных.

«Они могут мне многое поведать об этом мире, рассказать, кого нужно бояться, а с кем дружить,» — продолжал я развивать свою мысль о русалках.

«Только общаться я буду с той, у которой веснушки, ну и с другой, с ленточкой в волосах. А их подружку буду игнорировать, потому что нечего было обзывать!» — мстительно подумал я.

Рыбки меж тем совсем расшалились. Двое из них резвились возле моего лица, норovia залезть в нос, уши и глаза. Мне это порядком надоело, я открыл рот и втянул одну из них. Вторая, видя, чем заканчиваются такие игры, быстро ретировалась. Я же с силой выпустил из себя поток воды, в котором, влекомая этим самым потоком, кувыркалась моя недавняя пленница.

«Дальше. Этот странный человек. Как его там... Волох, по-моему. Да, точно, Волох. Мутный тип, конечно,» — подумал я, вспомнив, как он держал руку за спиной во время знакомства.

«Но тоже годится как источник информации. Чем-то я его заинтересовал... Не стал долго засиживаться тут, побежал за советом к местной бабе-Яге. И что он сказал напоследок? «Постарайся не умереть к моему приходу», — вроде так.

«А что, если он не пугал меня, и это действительно так? И опасности тут на каждом шагу, и врагов здесь пруд пруди? А я такой молодец, веду себя как на курорте. На песочке загораю и с русалками заигрываю. А на самом деле то, что я жив до сих пор, — просто удачное стечение обстоятельств. И тот, кто действительно крут и опасен, просто ещё по какой-то причине не обратил внимания на моё появление в этом ручье.

Хотя, сдаётся мне, что те, кому положено, уже знают о том, что я здесь, и прибытие незваных гостей — это лишь вопрос времени? Ведь вычислили как-то меня эта баба-Яга со

своим дружком Волохом?» — Эта мысль повысила мою тревожность, подняв градус опасности почти до панической атаки. Но я взял себя в руки и успокоился, подумав о том, что чему быть — того не миновать.

«Эх, жаль, что Водяной в реке — чересчур агрессивный парень, — расстроено подумал я. — Так бы можно было с ним потолковать или вообще пойти под его защиту. Он бы меня в обиду не дал, — серьёзный дядька.» — Я видел, как он материализовался передо мной буквально из говна и палок в первый день моего пребывания в этом мире и жутко меня напугал.

«Надо какое-нибудь оружие себе изготовить, дубину там, например,» — я вынырнул на поверхность и огляделся. Вокруг — «тишь да гладь да Божья благодать», — как говаривала моя бабушка. В траве стрекотали кузнечики, на деревьях пели какие-то птички, ручей нёс свои прозрачные воды в сторону заходящего солнца. Ни намёка на опасность.

«Может, Волох специально пытается меня запугать, чтобы втереться в доверие?» — задал я себе вопрос и не нашёл на него ответа.

«Стоп! Оружие. А ведь я сам могу быть оружием!» — вдруг осенило меня.

«Насколько мне известно, все духи обладают какой-либо способностью. И сегодня я это продемонстрировал, когда направил волну на русалок. Правда, всё это произошло спонтанно, но произошло ведь!» — Я решил вплотную заняться этим вопросом немедленно.

Выйдя на мелководье, где воды ручья доходили мне до пояса, я принялся что есть силы бить по воде ладошкой. Но ничего не происходило. Я лишь поднимал тучу брызг, а моя ладонь начинала ныть от частых ударов о поверхность. Накатывало разочарование, а вместе с ним и желание всё бросить и залечь на дно в прямом смысле слова.

«Может, тот единственный раз был случайностью? — размышлял я. — Или нужно было не просто бить, а чувствовать воду иначе — как часть себя? Ведь сначала так и было! Пока у меня не было этого грубоматериального тела, я чувствовал эти воды ручья и всё, что в них, как самого себя.»

Я замер, закрыл глаза, пытаюсь раствориться в водах своего ручья, вспоминая то самое ощущение, которое возникло в момент досады. Оно было жгучим, острым, идущим из самого центра груди, а не от мышц руки. Я представил, как эта энергия стекает по плечу, наполняет ладонь и выплёскивается в ровную, словно зеркало, поверхность ручья.

Сделал движение — медленно, почти невесомо. Разочарованный вздох уже готов был сорваться с губ, как вдруг гладь передо мной дрогнула. От моей ладони побежала невысокая, но чёткая рябь, которая, набирая силу, упруго покатила к противоположному берегу, слегка зашевелила прибрежные тростники и с тихим всплеском разбила о корягу.

У меня получилось.

Окрылённый успехом, я попробовал снова. Теперь получалось лучше — волна росла на глазах, становилась выше, послушнее. Я экспериментировал: широкий взмах рождал долгую, пологую волну, резкий короткий толчок — высокий и шумный бурун. Я даже научился направлять их мысленно, чуть поворачивая ладонь в нужную мне сторону.

— Недурно для первого раза, — раздался с берега чей-то глухой голос. Я вздрогнул и сразу потерял концентрацию. Волна беспомощно осела, расплываясь прозрачным кружевом по поверхности.

— Совсем не дурно, — Моховой одобрительно кивнул, и над его головой, покрытой толстым слоем мха, взвился рой каких-то мошек.

— Только такими шлепками по воде будешь разве что русалок веселить, они любят, когда воду будоражат.

Я повернулся к нему, чувствуя, как вновь обрётённая уверенность начинает таять под его насмешливым взглядом. Но сдаваться не хотелось.

— А как надо? — спросил я, и в моём голосе прозвучало неподдельное любопытство.

Моховой усмехнулся, поднял руку и почесал свою подмышку. Оттуда посыпалась на землю очередная партия насекомых и даже пара серых маленьких мотыльков, которые, вспорхнув своими крылышками, умчались в темнеющую в сумеречном свете чашу.

— Ему бы помыться не мешало, — задумчиво произнёс я еле слышно.

— Дух, а спрашивает, как мужик с мельницы, — он покачал головой. — Не бить надо, а слушать. Река говорит. Ручей шепчет. Твоё дело — услышать и приказать. А ты пока лишь рыбу пугаешь. — Он сделал паузу, изучая меня.

— Давай, попробуй не шлепать. Попробуй... позвать волну. Как зовут тебя самого, когда ты нехотя просыпаешься.

Его слова казались странными, но в них была своя логика. Я снова закрыл глаза, отбросив попытку «ударить». Вместо этого я попытался ощутить массу воды перед собой — её тяжесть, текучесть, инертность. Представил, как в этой массе рождается импульс, сгусток энергии. И просто... позволил ему выйти наружу, мягко подтолкнув ладонью.

Вода передо мной вздулась ровным, аккуратным горбом, который, не разбиваясь и почти не пенясь, покатился вниз по течению, солидно и неотвратно, как движется сама река. Я попробовал ещё раз. Теперь пустил волну поперёк ручья. Маленькое цунами шириной метра четыре накрыло противоположный берег с такой силой, что выбросило на него огромную корягу, поросшую тиной и водорослями, и, отхлынув назад, оставило её на земле в метрах шести от ручья.

— Вот, — голос Мохового звучал прямо в моей голове. — Другое дело. Понемногу учишься. Осталось понять, зачем тебе это.

Он смотрел на меня уже без усмешки, серьёзно и пристально. Вопрос висел в воздухе, и мне нечего было на него ответить. Зачем? Чтобы защититься? Чтобы доказать, что я не «ущербный»? Или просто потому, что это теперь моя природа — чувствовать воду и говорить с ней на одном языке?

Он кивнул мне, повернулся и сел на землю, превратившись в обычную кочку. Теперь только рой вьющихся над лесным мхом мошек выдавал месторасположение моего нового учителя.

Я остался стоять в воде, чувствуя в ладонях лёгкое, приятное покалывание — отзвук пробудившейся силы — и полную сумятицу в голове. Учиться я умел и любил, особенно когда видишь результаты этой учёбы. Завтра потренируюсь ещё как следует, а вторым уроком по расписанию у меня будет ходьба. На месте и по пересечённой местности. Предчувствуя завтрашние страдания, я вздохнул. Делать нечего — придётся заново учиться ходить. Иначе местные хулиганы будут гонять меня по этому ручью, как испуганного карася.

Я нырнул в ручей, где чувствовал себя в большей безопасности, лёг на дно, положил ногу на ногу, руки — за голову и благополучно уснул.

Глава 8

Пробудился я от того, что первые лучи солнца, пробравшись сквозь густую листву, коснулись водной глади — и по ней разбежались ослепительные блики, будто рассыпанные самоцветы. Они заплясали на моём лице, и даже через закрытые глаза я почувствовал, как сквозь сомкнутые веки пробиваются причудливые узоры света: алые, золотые, янтарные всполохи, словно внутри меня расцветал неведомый сад из солнечных лучей.

Я сладко потянулся и открыл глаза, но не сразу сообразил, что всё ещё нахожусь под водой. Пребывание на дне ручья было сейчас для меня настолько естественным и комфортным, что я не на шутку испугался, что со временем мне вообще не захочется выходить на поверхность. Я вспомнил книгу Александра Беляева «Человек-амфибия», где его герой Ихтиандр —

человек с жабрами молодой акулы, — намаявшись на матушке-земле, погрузился в итоге в глубины океана, чтобы больше никогда не возвращаться на эту грешную землю.

Меня такая перспектива почему-то не устраивала, видимо потому, что память о моём прошлом человеческом воплощении сохранилась ярко, будто вчерашний день. И эти воспоминания тянули меня наверх — к солнцу, к людям. Я понимал: если останусь здесь, на дне, постепенно всё это начнёт стираться — сначала детали, потом эмоции, а в конце и сами образы. Останутся лишь размытые тени, как блики света, пробивающиеся сквозь толщу воды.

Ихтиандр выбрал глубину, потому что, по большому счёту, был трусом. И поэтому он убежал от жестокости и непонимания туда, где его никто не найдёт. Его устраивало одиночество. Меня же — нет. Я не хотел повторять его путь. Мне было страшно не от мысли о воде — страшно от мысли о потере себя. О том, что однажды я забуду, каково это — дышать воздухом, смотреть в глаза другому человеку, чувствовать тепло руки в своей. И хотя я сейчас далеко уже не человек, но терять свою идентичность и превращаться во что-то другое я не хотел.

Я закрыл глаза, и в груди защемило — не от недостатка кислорода, а от тоски по тому, что ещё окончательно не потеряно.

— Нет, — твёрдо сказал я себе, — пусть я сейчас и не выгляжу как человек, но останусь им при любом раскладе. А пока — будем бороться за живучесть моего нового тела и готовиться к худшему, надеясь на лучшее.

Я вышел на мелководье, встал на то место, где вчера создавал маленькие цунами, и обнаружил, что вода мне не по пояс, а по... В общем, мне срочно нужна какая-нибудь одежда. Ходить, и при этом светить своими причиндалами, у меня нет никакого желания.

Если это не ручей обмелел, то за ночь я вымахал сантиметров на двадцать, не меньше. Скорее всего, дело не в ручье: осмотрев себя со всех сторон, я пришёл к выводу, что это я укрупнился. И причём везде.

И что меня более всего порадовало — так это то, что я принимал всё более человеческий облик. Всё тело приобретало мужские пропорции: торс, ноги, мышцы, волосы на голове, лице и других частях тела. Понятно, что пока я больше походил на смешного карлика из бродячего цирка — да ещё и с плавником по хребту.

Я прямо представил эту красочную афишу, на которой под моим изображением красными буквами было бы написано: **«ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ТОЛЬКО СЕГОДНЯ! ВЫСТУПАЕТ... НЕУДЕРЖИМЫЙ КАРЛИК С ПЛАВНИКОМ НА СПИНЕ! СМЕХ, ШУТКИ И НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРОКАЗЫ В НАДУВНОМ БАССЕЙНЕ!»**

Я тяжело вздохнул:

— Ну, вот! Я опять сам себе испортил настроение! — подумал я сокрушённо и с досады ударил по воде, запустив такую волну поперёк ручья, что, добравшись до противоположного берега, она не откатилась назад, а продолжила своё движение до ближайшей опушки леса и ударила в вековые сосны. С могучих крон посыпались шишки, а сама волна разлетелась миллионами брызг, щедро оросив влагой песчаную почву.

— Ого! Да тут до этих сосен метров двадцать будет! — восхищённо проговорил я и уже по-новому посмотрел на свои руки.

Настроение сразу улучшилось, и я решил проверить, насколько быстро я плаваю. Нырнув под воду, я принялся грести руками и ногами в сторону устья. Но тут меня ждало разочарование. Если раньше я походил на маленький быстроходный глиссер, умеющий к тому же стремительно передвигаться под водой, то сейчас я напоминал сам себе тяжёлую субмарину, медленно скользящую в глубинах океана — и это в сравнении с тем, каким я был три дня назад. А для простого человека я по-прежнему невероятно быстр и наверняка занял бы все призовые места на чемпионатах мира по плаванию.

Доплыв до устья, я решил повидаться с моим старым знакомым, Ичётиком. Однако в реку входить не стал, опасаясь, что привлеку внимание местного рэкетира водяного.

— Зачем искать себе приключения на одно место, — здраво рассудил я и решил прогуляться пешком вдоль берега. Благо, тут было недалеко.

Моя кожа перестала просвечивать и приобрела медный оттенок, будто я только и делал, что загорал целыми днями на местном пляже. Я надеялся, что и на ступнях кожа тоже загрубела и прогулка по утреннему лесу не доставит мне ненужных страданий.

Выбравшись на берег, я ступил на землю, покрытую мягким мхом. Держать равновесие было не в пример проще, чем вчера. Видимо, помимо внешних, физических изменений происходили и внутренние — касающиеся моей нейромышечной координации. И наверняка много ещё чего, о чём я не предполагал.

Каждое движение теперь давалось легче: мышцы будто запомнили новый алгоритм, а мозг перестал тратить силы на сознательный контроль позы. Стопы действительно стали менее чувствительны, и после стольких дней, проведённых в воде, идти по земле было даже приятно. На всякий случай я подобрал увесистый дрын, который послужил мне посохом.

— И как оружие ближнего боя пригодится, — подумал я, — хотя какой сейчас из меня боец? Не боец, а так, одно недоразумение.

Медленно продвигаясь вдоль берега и готовый в случае какого-либо кипиша сразу сигануть в реку, я размышлял, чем можно ещё помочь Ичётику.

— Стоп! — я даже остановился от пришедшей мне в голову мысли. — Приношение! Ему нужно приношение. Это же элементарно, Ватсон!

Я прислонился спиной к берёзке, дав себе возможность отдышаться.

— Люди делали приношения богам и духам всегда, а те взамен давали защиту и отвечали на молитвы просящих.

Меня начало одолевать странное чувство иссушения, будто само моё существо, связанное с водой, требовало подпитки. Казалось, кожа теряет эластичность, а тело тяжелеет без контакта со стихией. Я спустился к реке и с удовольствием погрузился в её прохладные воды. Полежав так минут пятнадцать, я снова продолжил свой путь.

— Какое приношение ему поднести? — я думал об этом весь остаток пути. Насколько мне было известно, люди, чтобы задобрить водяных, кидали в реку соль, продукты питания, рыбу, личные вещи и лоскуты ткани.

— Что у меня есть из личных вещей? — задал я сам себе вопрос. — Пу-пу-пу-у, гол как сокол, в прямом смысле слова!

— Ладно, что-нибудь придумаем, — сказал я, уже почти добравшись до нужного места.

И тут вдруг, я увидел ленту, которая, запутавшись в колючем кустарнике, вяло махала мне своими потрёпанными концами, словно подавая знак. Она была почти такой же, как и та, что была в волосах одной из русалок.

— Ну вот! — обрадовался я. — На ловца и зверь бежит.

Я подошёл к тихой заводи, где из воды всё так же торчали полусгнившие балки, наклонился над водой, бросил в неё найденную ленту и прошептал:

— Ичётик, дух воды, прими моё подношение.

Я не знал, как это делается правильно и что люди говорили в такие моменты. Как и не знал, можно ли вообще духу ручья делать такие вещи. Но...

— Что сделано, то сделано, — философски заметил я и стал ждать.

Сначала ничего не происходило, и я, уже разочаровавшись, собирался уходить. Но потом в том месте, где я общался с ним в прошлый раз, вода забурлила, запузырилась — и прямо в голове я услышал голос Ичётика:

— Жертва принята. Благодарю тебя.

Я замер, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Мне на мгновение показалось, что я увидел какой-то силуэт в водах заводи, но наваждение быстро рассеялось, и заводь опять

приобрела свой обычный, унылый вид. Я постоял ещё немного, потом развернулся и с чувством выполненного долга поковылял в обратный путь.

Дорога назад заняла у меня вдвое больше времени, и при этом я ещё два раза останавливался, чтобы освежиться в реке. Попутно думал о том, стоило ли вообще это делать? Кто он мне, этот Ичётик, и почему я так стараюсь ему помочь? Ответов у меня не было.

— В любом случае мне надо больше нагружать свои ноги, — подумал я, наконец-то добравшись до своего ручья. — Так почему же тогда не сделать одно доброе дело?

Я нырнул в свой ручей. Его прозрачные воды сомкнулись надо мной, и я подумал:

— Как хорошо, когда ты снова возвращаешься домой!

Глава 9

Волох стоял перед огромным деревянным идолом — древним, почерневшим от времени. Изваяние имело около трёх метров в высоту и было вырезано из священного морёного дуба. Рядом с ним человек чувствовал себя маленьким и ничтожным. И просьбы его казались такими же мелкими и несущественными. Поэтому Волох обращался к богу только по чрезвычайной нужде.

На Алатырь-камне, который располагался перед изваянием бога, лежали дары — каравай хлеба, молоко и мёд. На огневище горел священный огонь, через который эти подношения вознесутся к богу.

Волох задрал голову, чтобы посмотреть в глаза своему кумиру. Суровый взгляд этих глаз, казалось, пронизывал насквозь и заставлял человека дрожать как осиновый лист. Жути нагоняла искусно сделанная морда медведя, расположенная над головой идола: оскаленная пасть, острые клыки, застывшие в безмолвном рыке. А огромный посох в руке грозил покарать любого, кто осмелится потревожить бога без веской причины, ради праздного любопытства.

— Велес... — прошептал ведун. Голос его дрожал, а мысли путались. Он не часто разговаривал со своим богом. Ну, как разговаривал... Волох говорил, а Велес слушал. А то, что тот слушал и слышал, что ему говорит Волох, было очевидно. Ведь после такого общения человек ходил, ведомый внутренним побуждением сделать то или другое — сообразно желаниям Велеса. И желания эти часто не совпадали с его собственными, но кто он такой, чтобы послушаться своего бога!

— Велес, — повторил Волох, — прими эти дары!

Голос прозвучал глухо, едва слышно, а потом и вовсе скатился до бессвязного шёпота, но ведун знал, что Велес его слышит. А также он знал, что у всего есть уши — и у леса, и у этого капища, и у всего остального, поэтому то, о чём Волох разговаривал со своим богом, должно было остаться только между ними.

Через некоторое время Волох покинул капище и направился к жилищу Матери. Он уже подходил к её жилищу, как оттуда, из тёмного зева открытой нараспашку двери, донёсся крик, наполненный болью и отчаянием. И сразу за ним — протяжный стон, будто кто-то сдерживал рыдания, но они всё же прорывались сквозь сжатые зубы. Волох выхватил свой меч и рванулся вперёд, забыв об осторожности. Половица жалобно скрипнула, впуская его в полумрак, пропитанный запахами сушеных трав и чем-то горьким, как предсмертная тоска.

Мать остановила его, выставив вперёд руку с открытой ладонью, даже не посмотрев в его сторону. Другой рукой она вытирала пот со лба юноши, который продолжал тихо стонать. Рядом с лавкой, где лежал молодой парень, в деревянной бадье лежала потемневшая человеческая кисть.

Ведун медленно убрал меч в ножны, подошёл к парню и присел рядом с ним на корточки, глядя в его бледное, искаженное болью лицо.

— Он не стал пить маковый отвар, — устало проговорила Мать. — Сказал, что он воин и будет терпеть. Хотя какой теперь с него воин, — добавила она и обессиленно опустилась на лавку у стены.

Волох сел рядом.

— Я его знаю, — проговорил он. — Это сын нашего десятника. — И, чуть помолчав, добавил: — Младший. Что с ним произошло?

— Огневица, — ответила Ведающая Мать. — Порезал руку, когда точил секиру. Сначала ходил к знахарке. Та ему повязку из мха сделала и домой отправила, мол, заживет. А через несколько дней уже... вот. — И она обречённо указала на бадью. — Если бы сразу пришёл ко мне — цела была бы рука.

Она вздохнула и выпрямилась, чтобы дать парню какой-то отвар. Волох видел, что у парня жар, но знал, что Мать его на ноги поставит.

— Такого и я б на ноги поставил, — подумал он про себя. — Да только ему со мной во сто крат больше было бы. Я б ему эту рану огнём стал прижигать, чтобы дальше гнилая язва не пошла, а Мать пожалела его и своими травами стала отхаживать.

— Жалко парня, — сказал он уже вслух. — По глупости руки лишился.

Они вышли из дома и сели возле почти потухшего костра. Ведун закинул в него несколько сухих веток, и костёр начал разгораться с новой силой.

— Рассказывай, — сказала Ведающая Мать.

Волох вопросительно посмотрел на открытую дверь.

— Он проспит до завтрашнего утра, рассказывай, — с нетерпением повторила она.

Волох не стал спешить и рассказывал всё подробно и обстоятельно. Не забыв упомянуть и встречу духа ручья с Ичётиком и лосем, о которых поведал ему кромешник. А также знакомство с русалками и демонстрацию своей магической силы.

Ведающая Мать слушала молча и внимательно, лишь изредка кивая головой, словно подтверждая какие-то свои предположения.

— Значит, «Сергий» его зовут. — Мать подобрала с земли тонкую ветку и начертила на земле какой-то знак. Затем перечеркнула его, а потом и вовсе затёрла подошвой своего сапога. — Что ты думаешь, Волох? — сделав ударение на слове «ты», спросила женщина.

Волох ответил не сразу. Он смотрел какое-то время на то, как языки пламени в костре пожирают новую партию сухих веток, и потом сказал:

— Он больше человек, чем дух. Ему неведома эта новая сторона его бытия. И поэтому он опасен. Может таких дел натворить, что вся Явь содрогнётся. И в то же время, хоть и всё моё существо говорит о надвигающейся беде, я вижу, что не он тому виной будет. Мелковат он пока для этого.

Волох замолчал и снова уставился на костёр.

— Много тебе открыто, ведун, — с почтением проговорила Мать. — И правильно подметил, что не он причина надвигающейся беды.

— Ты знаешь?! — Волох поднялся с бревна, на котором сидел. — Кто тебе сказал? Мокошь?

— Мокоши сейчас нет в чертогах Пра́ви... — проговорила Ведающая Мать, смотря в одну точку.

— Как это нет? — растерянно спросил Ведун. — А где же она тогда?!

Волох осознавал, что сейчас происходит нечто такое, чего не должно быть. Воздух сгустился, будто перед грозой, а в углах избы зашевелились тени.

— Как это нет? — прошептал он, уже зная, что ответ ему не понравится.

— Она сейчас с Велесом, — тихо сказала женщина. — В На́ви.

Волох почувствовал, как по спине пробежал ледяной озноб. Слова Ведающей Матери повисли в воздухе, словно тяжёлые капли предгрозового тумана.

— С Велесом... в Нави? — переспросил он, с трудом выговаривая каждое слово. — Но зачем? Почему?

Ведающая Мать медленно подняла взгляд на Волоха. В её глазах читалась тяжесть знания.

— Мокошь ушла добровольно. Она знала: грядут времена, когда нити судеб станут рваться, а мир Яви начнёт трещать по швам. Только союз двух великих сил способен удержать равновесие.

Волох сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели. Ревность острым жалом вонзилась в самое сердце. Почему Велес ему ничего не сказал в этот раз? Ни единого намека! В голове роились ещё вопросы, но он боялся задать их вслух.

— А как же Перун? — наконец выдал он. — Владыка Прави не оставит такое без наказания, верно?

Ведающая Мать медленно кивнула.

— Опасность есть, — подтвердила она. — Но и выбор был неизбежен. Мокошь увидела прореху в ткани мироздания. Если не заштопать её сейчас, вскоре ни один из нас не сможет отличить Явь от Нави.

Ветер вдруг усилился, взметнув искры костра в небо. Где-то вдали, за лесом, прокатился глухой раскат грома.

— А что Велес? — спросил он тихо. — Как он согласился пойти на это?

— Велес... — Ведающая Мать замолчала, подбирая слова. — Его природа — хранить границы. Только он знает тропы между мирами. Только он может провести её туда, где рвётся ткань. Но и он не всемогущ. Его власть — в хранении границ, а не в их восстановлении. Потому Мокошь идёт с ним, но не под его началом. Они — два начала, вынужденные сойтись, чтобы спасти третье.

Огонь в костре вдруг вспыхнул ярче, будто откликнувшись на её слова. Длинные, извилистые языки пламени взметнулись к небу, словно пытаясь дотянуться до далеких звезд.

— Значит, она сейчас там, — прошептал ведун, глядя на пламя. — В мире мёртвых. И мы не можем ей помочь?

Женщина медленно покачала головой.

— Мы можем лишь следить за знаками, — ответила она. — За теми нитями, что она оставила. За теми, кто, как наш крошечник, балансирует на грани. За теми, кто, как ты, видит больше других.

Она наклонилась к костру и бросила в огонь горсть сухих трав. Воздух наполнился терпким, горьковатым дымом.

Волох почувствовал, как в груди сжимается что-то холодное. Он знал: впереди его ждут испытания, о которых он даже не мог представить.

— Что я должен делать? — спросил он, глядя прямо в глаза Ведающей Матери.

Та улыбнулась — едва заметно, почти скорбно.

— То, для чего тебя избрали. Видеть. Слушать. И не дать нитям порваться. Даже если придётся идти в Навь... или привести кого-то оттуда.

Ветер снова усилился, взметнув искры костра в ночное небо. Где-то вдали, за лесом, раздался низкий гул — словно земля вздохнула, готовясь к переменам.

Глава 10

Утреннее пробуждение, как всегда, принесло новые трансформации. И эти изменения, честно говоря, мне не понравились.

Во-первых, пока я находился под водой, из-под моей загрубевшей кожи проступила чешуя... Крупная, красивая, с изумрудным отливом. Не везде, конечно, — в основном на руках, плечах и бёдрах, ну ещё и на животе. И, вдобавок ко всем бедам, появились небольшие перепонки между пальцами на руках и ногах.

— Вот же гадство! — я был вне себя от досады. Только обрадовался, что снова становлюсь похожим на человека, — и на тебе! Чешуя! Словно матушка-природа не могла до конца определиться, кем должен быть здешний дух ручья — человеком или каким-то земноводным.

— Слава богу, что ещё хвост не вырос, — утешал я сам себя. — Так-то рубашку со штанами надел — и никто ничего не заподозрит. А вот с хвостом уже такое не прокатит. С хвостом лучше вообще из воды не вылезать. Стыдоба какая! Его уже никуда не спрячешь. — На всякий случай я извернулся и глянул себе чуть пониже спины: нет, хвоста по-прежнему не наблюдалось.

— Ну и хорошо! — я облегчённо выдохнул, и тут же мне на ум пришла другая мысль: — А как ходил по городу крокодил Гена из нашего советского мультлика? Хоть убей, не помню! Чебурашка — тот ещё извращенец, точно голышом бегал, а вот Гена... Во всяком случае, штанов на нем точно не было!

Из всех сегодняшних странностей порадовало лишь то, что я вымахал ещё почти на полметра. В результате стал похож на миниатюрного пигмея, которому зачем-то приделали плавник.

— Да, заказывать костюм у портного пока рановато, — подумал я. — С такими темпами роста никаких шмоток не напасёшься.

Завершив осмотр, я вышел на берег, сел на влажный прибрежный песок и прислушался к своим ощущениям. Что-то странное происходило с моим организмом. Сначала я не мог понять, что именно, но бурчание живота направило ход мыслей в нужном направлении. Я захотел есть.

— Так, включилась пищеварительная система, — с удивлением констатировал я. — Странно, что не сразу, а на пятый день моего появления в этом ручье.

— И чем же я должен теперь питаться? — задал я сам себе вопрос, поскольку понятия не имел, что едят водные духи.

— Хорошо, будем рассуждать логически, — я растянулся на песке, заложив руки за голову. — Все существа в основном питаются тем, что находят в своей среде обитания. — Закинув ногу на ногу, я стал болтать ею из стороны в сторону, словно дирижёрской палочкой.

— Не факт, — возразил я сам себе. — Человек, вот, вообще жрёт всё подряд, да и другие животные тоже. Вон, коты, например, мышей едят, однако не прочь и рыбкой полакомиться.

— Нет, ну я же сказал «в основном», — продолжал я этот шизофренический диалог.

— Значит, подьедать, где-то на стороне тоже не возбраняется.

— Так, в принципе, понятно, что мне как антропоморфному существу требуется и пища соответственная. Травушку-муравушку отметаем сразу — я не козёл, чтобы травой питаться. Водоросли тоже, хотя насчёт водорослей надо ещё подумать. — Я почесал урчащий живот, на котором по какой-то непонятной мне причине присутствовал пупок.

— Далее, разных там лягушек, пиявок и головастика тоже отметаем. По причине моего отвращения к подобной живности. — Я скривился, представив, как пытаюсь полакомиться лягушкой. Может, для других духов воды это и нормальная пища, но я пока решил остановиться на тех предпочтениях, к которым привык.

— Итак, что мы имеем в сухом остатке... или в мокром... — я задумчиво почесал подбородок. — Рыба, раки... Негусто, а ведь их ещё как-то поймать надо. — Тут я вспомнил, как вчера пустил волну к ближайшей опушке. Тогда на берегу оказалось немало речной фауны. — Как вариант сойдёт. Немного варварский, конечно, но не позволит мне умереть с голоду.

В любом случае я отложил эту идею на потом — так как спичек или зажигалки у меня с собой не было, а добывать огонь трением или каким-либо другим способом меня мама с папой не научили.

Я решил заняться собирательством — протяну какое-то время на ягодах, а там посмотрим. Благо мой дружок Моховой хвастался, что ягод у него — пруд пруди. Вот и глянем сейчас, правда это или нет. И заодно проверим, как сказывается ягодная диета на молодом растущем организме речного духа.

Ягод было действительно много — и причём самых разных: смородина, голубика, черника и много чего ещё. Попадались ещё грибы, похожие на сыроежки, но есть их я не рискнул.

Набив брюхо различными ягодами, да и ещё плодами какого-то дерева, напоминавшего нашу грушу-дичку, я действительно утолил голод и блаженно разлёгся на мягкой травке, подставляя лицо теплому солнцу и стал слушать трели каких-то птичек. И под этот живой, неутомный хор я благополучно уснул.

И снилось мне, будто лежу я в своей кровати, в своей квартире, в том моём мире, и думаю: «Какой же дурацкий сон мне приснился — будто я какой-то дух ручья с плавником на спине!» И — слава богу — что это только сон. Сейчас я встану, схожу в душ, а потом сделаю себе свой любимый эспрессо, отправлюсь на работу, а после встречу со своей любимой девушкой и...

Внезапный пронзительный визг разорвал сонную тишину. Я вскочил, едва успев осознать, что уже не в постели. Сердце бешено колотилось, будто пыталось вырваться из груди. Сон рассыпался осколками: вместо мягкой подушки — жёсткая земля, вместо тёплого одеяла — прохладный ветер, а над головой не потолок, а тёмные кроны деревьев, сквозь которые едва пробивались первые лучи рассвета.

Это не сон, — мысль обожгла сознание, и реальность обрушилась с новой силой. Плавник на спине отозвался тупой, ноющей болью, будто напоминая: «Я здесь. Всё по-настоящему».

Визг разорвал тишину снова — пронзительный, полный отчаяния. Я вскочил, судорожно оглядываясь. Звук доносился из-за кустами, что росли у ручья. Ни секунды не колеблясь, я рванул туда.

Прорвавшись сквозь заросли, я замер. На берегу, прижавшись к шершавому камню, сидела девочка лет двенадцати. Её взгляд, полный первобытного ужаса — был устремлён не на меня, а на тёмную гладь ручья.

Из воды медленно поднималось нечто: длинные, извивающиеся как водоросли, руки и глаза, горящие зелёным огнём.

Что это за хрень такая? — пронеслось в голове. Существо било по воде мощным змееподобным хвостом, вздымая брызги, и тянуло к девочке свои склизкие пальцы, а та сжалась в комок, не в силах пошевелиться.

— Эй, ты! — крикнул я, сам не зная, что делаю. — Не трогай её!

Фигура замерла. Медленно повернулась ко мне. Её губы растянулись в омерзительной улыбке, обнажая ряд острых, словно рыбы, зубов.

— А ты кто такой, чтоб мне указывать? — голос звучал, будто вода булькала в горле.

Я с трудом сглотнул ком в горле, но шагнул вперёд. Плавник за спиной вдруг затрепетал, наполняясь неведомой, пульсирующей силой.

— Я — хозяин этого ручья, — голос прозвучал твёрже, чем я ожидал, и я сам удивился своей смелости. Шагнул вперед и закрыв собой девочку, я повторил с нажимом: — Никто не смеет причинять вред в моих владениях без моего дозволения.

Чудовище издало шипящий звук, тело его задрожало, а у меня по спине пробежал холодок. Девочка пискнула и закрыла лицо руками, всё сильнее вжимаясь в камень.

— Ты ещё не хозяин, — прошипело страшилище. — Ты только...

Не договорив, оно рванулось вперед, но в тот же миг плавник вспыхнул холодным светом. Вода вокруг взметнулась, образуя защитный купол. Я сам не понимал, что делаю, но тело

действовало само, по воле какой-то древней, забытой силы: руки поднялись, пальцы сплелись в неведомый жест, а из горла вырвался звук — не крик, не слово, а что-то среднее между пением и молитвой.

Чудовище с шипением отпрянуло, взметнув фонтан брызг, и начало погружаться в прозрачные воды.

— Это не конец, — прозвучало эхо. — Я ещё приду к тебе...

И оно исчезло, оставив после себя лишь дрожащую рябь на поверхности.

Девочка смотрела на меня ошалелыми от пережитого ужаса глазами, всё так же боясь пошевелиться. И я её понимал. Одно чудовище с плавником и в чешуе прогнало со своей территории другое — со змеиным хвостом вместо ног. Для чего? Чтобы не делиться и заполучить её целиком?

Я осторожно склонился над ней, стараясь не напугать ещё сильнее.

— Ты зачем к ручью одна подошла? — спросил я как можно ласковее, чтобы девочка окончательно не впала в ступор. — Разве ты не знаешь, что сейчас русалочья неделя идёт и подходить к воде опасно? — я вспомнил, что на эту тему говорили мои знакомые русалки.

— Я... х-хотела водицы попить, я 3-за ягодами ходила, — ответила она дрожащим голосом.

Я посмотрел на перевёрнутую корзинку — из неё высыпалась добрая половина ягод, рассыпавшись по песку алыми каплями. Поднял её и протянул девочке.

— Тут их меньше половины осталось, остальные на песке. Сходи-ка лучше свежих собирай, хорошо?

— Хорошо, — быстро ответила девочка, понимая, видимо, что прямо сейчас её есть никто не собирает. — А водицы все-таки можно попить? — спросила она, вставая. Видимо, жажда её действительно сильно мучила, раз она не убежала сразу, а осмелилась попросить попить.

— Можно, — ответил я и присел на песок, потому как меня самого бил мандраж от увиденной твари.

Девчушка отошла чуть дальше и склонилась над ручьём.

— Прокипятить бы не помешало сначала, — подумал я, глядя на то, с какой жадностью девочка пьёт прозрачную воду.

Напившись, она посмотрела в мою сторону и, помахав мне рукой, скрылась в зарослях прибрежного кустарника.

Я решил тоже немного освежиться. Окунулся в прохладные воды своего ручья, думая о том, насколько беспечно относился к собственной безопасности.

— Тут такие твари в гости заходят, а ты, Серёженька, лежишь, прохлаждаешься на тёплом песочке, — распекал я сам себя, уже выбравшись на тот самый песок. Посмотрев вверх, на голубое небо, наполовину скрытое высокими кронами деревьев, я подумал, что вообще ничего не знаю об этом мире — и мне срочно нужно этот пробел в знаниях устранить.

— Иначе устранят меня, — резонно заметил я.

И, повернув голову направо, увидел сапог. Вернее, два, стоявшие буквально в двух метрах от меня. Подняв глаза, я узнал и хозяина этих сапог...

— Волох! — я рывком встал. «Вот задолбал уже, честное слово! Как ему удаётся так незаметно подкрадываться?!»

Глава 11

Волох договорился с Матерью, что присмотрит за кромешником. Понаблюдает, может, и поймёт, почему тот здесь появился. Неспроста всё это. Как ведун, он осознавал, что в появлении чужака таится скрытый смысл: ни случайность, ни простое блуждание по мирам.

Мать знала, а ведун это чувствовал.

В воздухе витало напряжение, и он знал: ведуны ощущают токи силы, видят трещины между мирами, улавливают эхо чужих намерений. И сейчас его нутро кричало: этот кромешник — не просто заблудший. Он либо ключ, либо замок. Либо откроет то, что давно спрятано, либо навеки запечатает пути. Теперь вопрос был не в том, кто этот чужак, а в том, успеет ли Волох разгадать, для чего он здесь, до того, как мир изменится навсегда.

Волох уже подходил к ручью, где объявился кромешник, когда до него донёлся пронзительный детский крик. Не теряя ни мгновения, он припал к земле и, осторожно приблизившись стал наблюдать.

А происходило странное...

Дух ручья заступился за какую-то девчонку и теперь противостоял самой лобасте! Ведун знал, что это очень агрессивные и сильные твари, лишь отдалённо похожие на женщин. Сам бы он сто раз подумал прежде, чем с ней не связываться — и сам бы пропал, и девчонку не спас.

Дальше случилось вообще невероятное... Кромешник использовал мощную магию воды и света!

— Откуда у него эти знания? — удивился Волох и уже по-другому взглянул на духа ручья.

Меж тем лобаста, явно не ожидавшая от кромешника проявления такой силы, ретировалась и уплыла восвояси.

Волох стоял и смотрел, не веря своим глазам: кромешник помогал девчонке встать и отпускал её на все четыре стороны!

На глазах у ведуна происходило невообразимое: дух ручья прогнал другого духа воды, защищая человека! И это — в русалочью неделю!

— Я был прав, когда сказал Матери, что он больше человек, чем дух, — с удовлетворением отметил он.

Он решил подойти к кромешнику. Тот лежал на берегу и о чём-то размышлял.

«Он слишком беспечен, — укоризненно подумал Ведун, приближаясь к духу ручья, почти не скрываясь. — То, что он прогнал Лобасту, не значит, что теперь он в полной безопасности. Она может притащить сюда своих подружек, и тогда ему придётся туго. Эти твари сейчас очень активны.»

Волох подошёл к кромешнику почти вплотную и стал ждать.

Наконец дух соизволил повернуть голову в его сторону и, увидев Волоха, резко подскочил. Вид у него был растерянный и тревожный.

Волох остался доволен произведённым эффектом.

«Может, в следующий раз это заставит его быть осторожнее,» — подумал он, внутренне усмехаясь. А вслух сказал:

— Приветствую тебя, дух ручья.

— И я тебя, — ответил кромешник, уже взяв себя в руки и снова усаживаясь на песок. — У меня к тебе просьба, Волох. Ты не мог бы достать для меня одну вещь?

— Какую? — ведуну стало интересно, что попросит дух.

— Кусок ткани или штаны какие-нибудь, — произнёс дух ручья, стыдливо прикрывая руками причинное место.

— Эту просьбу я выполню прямо сейчас, — сказал ведун и снял со спины заплечный мешок. Потом достал оттуда отрез плотной ткани и верёвку. — Собирался себе как раз штаны шить, но поделюсь с тобой, — он посмотрел на скромно сидящего кромешника. — Тебе нужнее.

Отрезав кусок ткани, он проделал в нём несколько отверстий и продел в них верёвку. Получилось что-то вроде набедренной повязки.

— На, держи. — Волох протянул одежду.

Дух ручья с благодарностью принял подарок и быстро надел её.

— Слушай, Волох, — сказал дух, — а можно ещё попросить тебя кое о чём?

Ведун кивнул.

— Научи меня добывать огонь.

Каким бы провидцем ни считал себя ведун, но такого он явно не ожидал! Чтобы водный дух просил научить его пользоваться огнём! Пусть даже в прошлом он был человеком, но нынешняя его суть не должна была терпеть огненную стихию.

«Другим водным духам только покажи кресало — и они бегут без оглядки, — подумал Волох. — А этот сам просит подружить его с огнём.»

— Зачем тебе, духу воды, огонь понадобился? — спросил он.

— А я что, по-твоему, всю эту живность в сыром виде жрать должен? — ответил крошеник и повёл рукой в сторону ручья.

— Ну ты же водный дух? — уточнил ведун.

— Водный, — подтвердил крошеник. — Вроде бы... Но сырую рыбу я есть не хочу, а на ягодах долго не протяну. — Он с надеждой посмотрел на Волоха.

Тот вздохнул и отвязал от пояса мешочек, из которого достал кресало и кремень.

— Пользоваться умеешь?

Дух ручья замотал головой.

— Понятное дело, — вздохнул Волох ещё раз и принялся показывать, как добывать огонь. — Это тебе дар, — он протянул кресало с кремнём. — За девочку.

Крошеник встрепенулся:

— Ты видел её?

— Видел. Это была лобаста.

— Мерзкая тварь, ничего не скажешь.

Волох кивнул.

— А что, местные не знают, что сейчас подходить к воде опасно? «Тем более маленькой девочке?» — спросил дух ручья.

— Она, видимо, понадеялась на свой оберег.

— Оберег? — переспросил крошеник, вспомнив, что на шее у девочки действительно что-то висело.

— Эти твари не боятся оберегов и заклинаний. Спаситься можно только бегством или убив железным мечом, пронзив сердце, — просветил его ведун. — Но меня интересует другое. Откуда в тебе столько силы, что лобаста испугалась и убежала?

Крошеник пожал плечами. Для него это тоже было загадкой. Он смутно помнил, что произошло после того, как он заступился за девочку.

— Что ты видел, Волох?

— Я видел, как ты создал защитный купол, сплетая магию воды и света. — Волох сорвал травинку и задумчиво её пожевал. — Магия света в соединении с элементом воды — это не просто редкость. Это... противоестественно. Водные духи избегают света, не любят его. А ты — сплёл их воедино.

Он поднял взгляд на крошеника, в глазах которого читалась смесь любопытства и непонимания.

— Свет — это проявление небесной, огненной стихии. Он жаркий и лучистый. Вода же — холодная, текучая, поглощающая. Вода гасит огонь, рассеивает свет. Свет испаряет воду. Поэтому водные духи и боятся его. Он для них губителен, как соль или железо. Ты же, нарушив природный порядок, сплёл воедино потоки воды с лучистой энергией, создав защиту.

Крошеник молча смотрел на свои ладони, будто ожидая, что они снова что-нибудь вытворят.

— Я не хотел, — наконец произнёс он тихо. — Просто... почувствовал, что надо защитить её. И внутри что-то вспыхнуло.

Волох хмыкнул:

— Твой купол не просто отразил атаку. Он испугал лобасту.

— Испугал?

— Ты проявил силу, которой у водного духа быть не должно. К тому же вода, сплетённая со светом, становится для нечисти опасной. Обжигает и освящает пространство. Ты хоть представляешь, сколько мощи нужно, чтобы заставить такую тварь отступить?

Дух ручья покачал головой. В его взгляде читалась растерянность.

— А если это повторится?

— Вот это и пугает, — Волох отбросил травинку. — Ты не знаешь, откуда берёшь эту силу. Не знаешь, как её удержать. Не знаешь, к чему она приведёт.

На мгновение между ними повисла тяжёлая тишина. Где-то вдали прокричала птица.

— Но ты ведь сможешь мне разобраться? — в голосе кромешника прозвучала отчаянная надежда. — Ты же ведун. Ты многое знаешь.

Волох задумался. Перед ним стояло существо, нарушающее законы стихий: опасное, непредсказуемое... Но — нужное.

— Помогу, — наконец сказал он, глядя прямо в глаза собеседнику. — Но с одним условием. Ты будешь слушать меня — без вопросов, без сомнений. Потому что если твоя сила вырвется наружу без контроля — пострадают не только мы с тобой. Пострадает весь этот край.

Кромешник кивнул, не отрывая взгляда.

— Обещаю.

— Хорошо. — Волох поднялся, отряхивая штаны.

— Только... — дух тоже поднялся, — я почему-то очень сильно хочу есть.

Ведун посмотрел на него и понимающе кивнул.

— Это нормально. Ты потратил много энергии, создавая купол. Теперь надо восстановить силы.

Солнце уже клонилося к закату, окрашивая воду в багряные тона.

Глядя, как бывший человек, а ныне дух с невероятным даром, сосредоточенно поглощает кусок хлеба с вяленным мясом, Волох подумал, что самые интересные, самые страшные и самые важные времена в его долгой жизни только начинаются. И начинаются они здесь, у этого ничем не примечательного ручья, с этого кромешника, в котором смешалось столько противоречий, что хватило бы на целый новый мир.

Глава 12

Я уплетал вяленое мясо с краюхой хлеба с таким аппетитом, словно не ел уже несколько дней. Хотя, по сути, так и было. Если не считать сегодняшнего похода за ягодами, последний раз я ел ещё в прошлой жизни!

Волох поглядывал на меня с интересом, но ничего не говорил. В его взгляде читалось нечто среднее между удивлением и настороженностью — будто он пытался понять, как дух воды может с таким наслаждением поглощать земную пищу.

Наконец, когда я дожевал последний кусок и с сожалением посмотрел на пустые руки, он негромко произнёс:

— Никогда не видел, чтобы водный дух ел с таким... человеческим аппетитом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.